

16+

Вадим Сухачевский

Исчезновения

Фантастический триллер

Вадим Долгий (Сухачевский)

Исчезновения

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Долгий (Сухачевский) В. В.

Исчезновения / В. В. Долгий (Сухачевский) — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

В мире то и дело бесследно исчезают люди. Иногда эти исчезновения абсолютно загадочны: только что он был рядом - и вдруг исчез. В остросюжетном фантастическом триллере "Исчезновения" дается разгадка этому явлению, а двум героям предстоит смертельно опасная схватка с мощной организацией, специализирующейся на исчезновении людей.

© Долгий (Сухачевский) В. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Как они исчезают?
Детектив Небрат

Не желает ли Истина
В сердце своем опьянения?
«Пиршество»¹

– ...И вот теперь, друг мой Еремеев, после того, как мы убедились, что случай твой далеко не уникален, пытливый ум должен бы задаться более общим вопросом – ПОЧЕМУ ВООБЩЕ ИСЧЕЗАЮТ ЛЮДИ. Как физик я поставил бы еще один, дополнительный вопрос: КАК они это проделывают. И тут возникает целый ряд гипотез, каждая из которых...

Впрочем, давай-ка я сначала вторую бутылку все-таки открою, ибо подобный полет мысли нуждается в подкреплении...

Да, вот вторая-то бутылка коньяка оказалась явно лишней. Совершенно лишней она, зараза, была! То есть полет мысли у друга детства Гони Беспалова, безусловно, приключился и даже на какое-то время вовлек мысли Еремеева в свое парение, но сейчас, утром, проснувшись лишь в одиннадцать и борясь изо всех сил с мутотой, он, Еремеев, почти обо всем забыл, и только потрескивал в больной голове заданный Гоней еще до полета вопрос: «Почему вообще исчезают люди?..»

Он поймал себя на том, что в первый раз за минувшие полгода начинает утро не с привычного уже для себя вопроса: «Почему исчезла Ирина?» – а вот так вот, более общ?. И причина была не в Гоне, появившемся позже, к вечеру, а в этом интернетовском сайте, на который он, Еремеев, случайно натолкнулся еще вчерашним днем. Так он и назывался, этот сайт:

ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Еремеев и не подозревал, что в мире едва ли не ежечасно происходили подобные случаи: люди попросту исчезали, и все дальнейшие поиски исчезнувших захлебывались в пустоте. В электронном океане всплескивались безнадежные голоса:

- Ушел и не вернулся...
- Ушла и пропала...
- До сих пор не найдена...
- ...Обращения в милицию до сих пор не дали никаких результатов...
- Господи, кто-нибудь! Умоляю, откликнитесь, если вдруг что-то знаете!..

Ему казалось, что и его уже ослабевший крик пробивается из этого многоголосого хора:

– ГОСПОДИ! КТО-НИБУДЬ! ЕСЛИ ЗНАЕТЕ, ЕСЛИ СЛЫШИТЕ – ОТКЛИКНИТЕСЬ!..

Не откликались.

И разум не находил ответа. Все было слишком запредельно для него, для разума.

Это случилось три месяца назад. Ирина перед обедом, вдруг спохватившись, выбежала за сметаной в гастроном, что находился от них через дорогу. Еремеев видел в окно, как она вышла из подъезда, как перебежала через улицу, как успела перед самым перерывом проскользнуть мимо толстой женщины в белом халате, уже закрывавшей дверь.

Прошло десять минут, пятнадцать, а она все не выходила наружу. Помнится, он с легким раздражением подумал, что борщ, похоже, придется заново разогревать...

Через полчаса стало не до борща. Он выскочил в одних домашних тапочках и сквозь окна гастронома увидел, что в торговом зале нет никого.

Едва дождался открытия. Толстушка в белом халате подтвердила, что помнит, как вбежала какая-то «деловая»: «Сметанки ей только!.. А нам на перерыв задерживайся...» Однако продавщица молочного отдела Ирину решительно не помнила. Не подходил перед перерывом никто за сметаной, и все тут!

Еремеев кинулся в подсобку: Ирина, увидев, что дверь закрыта, могла выйти через нее... В подсобке у самой двери два грузчика играли в домино. Зачем-то, спрашивая про Ирину, он тряс у них перед носом писательским билетом старого образца – красной книжицей с изображением ордена Ленина. Хотя вождь был давно уже не в особом почете, но к его абрису грузчики отнеслись с немалым почтением, стали величать Еремеева, возможно сочтя его за прокурора, «гражданином начальником», впрочем, проку от этого было мало: клялись на чем свет стоит, что сидят здесь не вставая уже два часа, и никакая женщина, тем более незнакомая, за это время мимо них решительно не проходила.

Пожалуй, самые мучительные минуты того проклятого дня – это когда, вернувшись домой, ждал ее еще часа три, строя какие-то совершенно нелепые предположения.

Наконец-таки, не выдержав, помчался в милицию. Но там узнал, что дела по исчезновению заводят никак не раньше, чем через двое суток.

В течение этих двух страшных суток по десятому разу обзванивал всех знакомых, пил, чтобы унять тряску во всем теле, трезвел, снова пил.

Через двое суток дело в милиции, правда, все же завели, но больно уж нехотя. С виду лейтенант, принимавший заявление, был серьезен, но Еремеев чувствовал, что в глубине души он лишь усмехается:

– Сколько, говорите, лет пропавшей-то? Говорите, тридцать семь?.. М-да... А отношения-то с супругой у вас какие были?

То-то и оно, что отношения у них не раз давали трещину – иногда по пустяковым, а иногда и по весьма серьезным причинам. Особенно в последние года два. Однако он предпочел ответить:

– Хорошие отношения.

– Да... – отозвался лейтенант. – Тут как раз, помню, был случай: семидесятилетняя бабка от мужа сбежала, он говорил – уже пятьдесят лет жили с ней душа в душу. А она только спустя два года у дедка какого-то, друга детства, в Сызрани обнаружилась. Так что напрасно вы так сильно тревожитесь – оно, сами видеть изволите, по-разному в жизни бывает.

В частном детективном агентстве «Виктория» к его беде отнеслись с большей чуткостью, чем в милиции, были достаточно деликатны, чтобы ни о каких дедках из Сызрани не упоминать, а уж о чем там про себя подумали – Господь им судья. Даже выделили для ведения розысков Ирины сыскаря, некоего пожилого Валентина Никодимовича с интересной фамилией Небрат, тот пол суток изводил его самыми, казалось, далекими вопросами касательно Ирины и ее жизни с ним. Однако толку от обращения в эту самую «Викторию» все равно было чуть – за истекшие шесть месяцев никаких результатов.

Она исчезла. Безнадёжно, с концами. Будто тогда вдруг в одно мгновение обратилась в бесплотную душу, сразу растаявшую в мареве дня.

КАК ЭТО МОГЛО ПРОИЗОЙТИ? КАК И ПОЧЕМУ ВООБЩЕ ИСЧЕЗАЮТ ЛЮДИ?..

– ...Стало быть, мой друг Еремеев, мы остановились на вопросе – КАК они это проделывают?.. Давай-ка рассмотрим его абстрактно, безотносительно к твоему случаю. Гипотезы насчет всяких там инопланетян с их тарелками, похищающими людей, и провалов человека в иные пространства я сразу отбрасываю как пригодные только для ненаучной фантастики. Но

вот тебе объяснение попроще. СУБЛИМАЦИЯ!.. Ты не хлопай, не хлопай, Еремеич, глазами, еще в девятом классе средней школы должен был проходить!..

Ладно, для неучей объясняю. Как лед превращается в пар? Сначала он тает и становится водой, а затем уже вода становится паром. Но при некоторых условиях происходит та самая с у б л и м а ц и я: лед обращается в пар, минуя жидкое состояние. Теперь вернемся к нам, к хомам сапшиенсам. Что есть для нас кончина в нашем обычном понимании? Во-первых, это утрата нами упорядоченной, как кристалл, телесной оболочки и образование чего-то аморфного, именуемого прахом, а во-вторых, отделение чего-то неуловимого, как газ, именуемого душой (если мы примем как данность факт ее существования). Так вот, представь себе, что иногда происходит нечто наподобие сублимации. Фаза, которую мы называли прахом, по неведомым покамест причинам опускается, и тело сразу обращается в невидимую для наших глаз душу...

И для развития этой – согласись, неординарной – мысли предлагаю предварительно сбегать...

Неужели сбегал-таки за третьей бутылкой? Еремеев в точности не помнил, но похоже было на то – если б выпили по бутылке на брата, едва ли саднило бы так сейчас в голове.

Наконец он открыл глаза и удостоверился – да, сбегал, сукин сын! Вот она стоит, недопитая, на журнальном столике. Гоня заботливо оставил на два пальца для опохмелки. Однако при одном только ее виде Еремеев поперхнулся и, вскочив с дивана, удрал в ванную. Но и там, пока он давился слюной, Гонин голос все зудел и зудел в ушах:

– ...Тут, кстати, и со мной историйка одна, представь себе, приключилась. Не думаю, что связанная с Ириной, но тоже, понимаешь ли, образовалась возможность исчезновения. Презанятная, скажу тебе, историйка. Понимаешь, подваливается ко мне давеча тут один...

О чем бишь он?.. Однако после этих слов ничего не удавалось вспомнить: кто такой к Гоне подваливался, зачем? Да и вспоминать, по правде, муторно, ибо все воспоминания о вчерашнем вечере если и возникали, то неотделимо от этого мерзкого привкуса во рту.

После душа Еремееву стало немного легче. Он вернулся в комнату и, стараясь не смотреть на бутылку, включил компьютер. Сайт «ИСЧЕЗНОВЕНИЯ» возник тут же, сам собой, хотя Еремеев его не вызывал...

Среди тысяч исчезновений он быстро отобрал несколько, похожих на его случай.

...Тринадцатилетняя девочка Нина Кшистова (тут же была фотография умненькой по виду девчужки) с родителями собирала в роще грибы, не отходя от них дальше, чем на два десятка шагов. Всего на одну минуту пропала из виду. Но уже в следующую минуту на поляне валялось только ее лукошко с несколькими подберезовиками, а девочки след простыл. Поиски не дали никаких результатов. Далее шел отчаянный вопль родителей: «Уважаемые инопланетяне! Умоляем, верните нашу Ниночку! Клянемся помогать вам в вашей миссии на Земле! Если вам так нужно для ваших опытов, возьмите взамен любого из нас! Только Ниночку нашу... пожалуйста... ради Бога!..»

...Десятиклассника Борю Николайчука (судя по фотографии, пухлого, очень домашнего паренька) окликнул с улицы его соученик – просил передать какую-то книжку. Сказал, что ждет в подъезде. На глазах у родителей Борис выбежала из квартиры, находившейся на третьем этаже. Одноклассник тщетно ждал его десять минут. Боря исчез. И снова вопль: «Дорогие независимые чеченцы! Клянемся, мы всегда были против этой войны! Если хотите, выйдем с плакатами, какими скажете, на Красную площадь! Если нужен выкуп, готовы продать квартиру. Правда, она недорогая, двухкомнатная, в блочной пятиэтажке, но других денег у нас нет. Только умоляем – верните нашего Бореньку, век будем Бога за вас...»

...Банкир Палисадников (фото сорокалетнего жизнелюба, правящего яхтой в каких-то явно не нашениских морях) отдыхал в беседке своей охраняемой виллы с двухметровым забором, с пятью автоматчиками и тремя обученными ротвейлерами во дворе. Когда жена спохватилась, Палисадникова нигде не было. Охранники божились, что никто территорию виллы не покидал. Поиски банкира ровно ни к чему не привели. «...Уверяю вас, – увещевала предполагаемых похитителей банкирская жена, – что Николай Самойлович сам давно уже собирался покинуть этот пост. Кроме того, значительная часть акций холдинга записана на мое имя, и я готова передать их в любое время, незамедлительно...»

Еремеев подумал, что, быть может, ему следовало бы присоединить к этим мольбам и свою собственную. Но он и предположить не мог, к кому следует взывать. Не пролетали никакие летающие тарелки мимо гастронома, в котором исчезла Ирина, не слышал он, чтобы чеченские террористы пошаливали где-нибудь в окрестностях, и никаких таких постов, чтобы его имело смысл шантажировать, он сроду не занимал. Да и особых денег, чтобы расплатиться с похитителями (если считать, что Ирину вправду кто-то похитил), у него не было: квартиру эту он снимал, – за десять лет после прошлого развода так и не накопил на новую, – больших гонораров не получал и не располагал драгоценностями и банковским счетами.

По мозгу снова стала растекаться нестерпимая похмельная боль, усугубленная дребезжанием в ушах Гониного голоса:

– ...И вот, мой друг Еремеев, поскольку событие столь неординарное, то и мысли наши в своем парении должны устремляться не по стандартному пути, а использовать нехоженые, то есть в данном случае н е л ё т а н н ы е маршруты.

Я, кстати, давно уже заинтересовался феноменом исчезновений. Назавтра, между прочим, пригласили на телепередачу, буду излагать свои версии, а поскольку ты, ввиду нехватки базового образования, а также ввиду своей гуманитарной фанаберии, едва ли смотришь научные передачи, то – пользуйся моментом! – изложу сейчас по возможности в популярной форме, в расчете на твои сырые, не тронутые научными познаниями мозги...

Дальше – полная заумь: какие-то невоспоминаемые физические поля, какие-то искривленные пространства, какое-то, к лешему, вторичное квантование – полагал, видимо, что с первичным квантованием у Еремеева все в полном порядке. И эту муть он кажется вполне искренне считал популярным изложением! Интересно, до телезрителей он будет все это в столь же популярной форме доносить?

Ах, да ему бы в нынешнем его, наверняка тоже плачевном состоянии самого бы себя до телестудии как-нибудь донести!.. Чтобы в ушах унялся Гонин бубнеж, Еремеев наконец решил все-таки опохмелиться, но тут еще один текст на экране компьютера привлек его взор. Точнее даже не столько сам текст, сколько фотография сбоку.

Шестидесятилетний учитель математики Сидорихин Владимир Ильич, вечером прогуливаясь с супругой в парке «Сокольники», зашел в общественный туалет. После получаса ожидания супруга почувствовала беспокойство и решила войти в мужскую половину. Однако...

Далее – как и во всех прочих сообщениях: никого, нигде... Поиски с участием милиции... Никаких результатов...

А вот фотография этого самого Сидорихина исчезнувшего... Фотография была явно весьма давняя, качество преотвратительное, но какие-то едва-едва уловимо знакомые черты... Или с похмелья только мерещится?..

Еремеев хотел было увеличить ее, и тут вдруг, закрывая и текст, и фотографию, через весь экран поплыли слова. Проплывали слишком быстро, он не успевал прочесть их все, но и то, что выхватывал взгляд, привело его в крайнее возбуждение.

Уважаемый г-н Еремеев!

Если Вы в самом деле желаете узнать, что произошло... (несколько слов слишком быстро убежало за кромку монитора) ...советуем Вам незамедлительно обратиться в... (умелькнуло) ...расположенную по адресу: улица...

И в это самое мгновение экран монитора вдруг брызнул осколками ему в лицо. Он почувствовал, как кровь бежит по щеке и по подбородку.

Собственно, осколков было только два и совсем небольших: один вонзился на каких-нибудь пару миллиметров левее глаза, а другой застрял под нижней губой.

Экран монитора погас, зато корпус его дымился и вонял паленым хлорвинилом. Еремеев вытащил из кожи осколки, рукой вытер кровь и тупо воззрился на дымящийся монитор. Затем он перевел взгляд на окно, и вот тут-то его наконец-таки хлестнуло ужасом: в оконном стекле образовалось небольшое круглое отверстие, какое может быть лишь от пули.

Боже, да ведь в него стреляли! Но промахнулись и попали в монитор!..

За то время, пока до него это доходило, его запросто могли пристрелить еще раз десять. Однако же выстрелов больше не было. Тем не менее он все-таки запоздало упал на пол, подполз к окну и задернул плотные шторы. Лишь после этого решился встать. И понял, что за это время успел расплескать главное из того, что прочел на экране.

...расположенную по адресу...

А вот улица-то, улица... Что-то техническое в названии...

Коленваловская?.. Дизельномоторная?..

Нет, похоже – но не то!..

Газгольдерная?.. Нет, Газгольдерную он знал – там когда-то располагалась контора знаменитой «МММ», несколько лет назад облегчившая его карман на последние тогда сто долларов.

Шарикоподшипниковская?.. Нет, Шарикоподшипниковскую тоже знал... Интересно, кто дает подобные имена московским улицам?..

Цифра с номером дома в памяти отпечаталась. Он почти не сомневался, что это был № 7. А улица...

Двигателесмазочная? Шурупотверточная? Близко – да не то! Как же она называлась-то, черт бы ее с таким названием побрал?!..

– ...Во всяком случае, друг Еремеев, даже при твоей профессиональной недисциплинированности мыслей ты должен понять, что первый шаг в любом исследовании, в силу известного принципа Окама, есть попытка свести непонятное к обыденному, и только в том случае, коли этот шаг не приводит ни к каким результатам...

Хотя шторы были теперь задернуты, Еремеев, переполненный запоздалым страхом, подобрался к журнальному столику на четвереньках, и лишь после того, как сделал пару глотков коньяка, дребезжание Гониного голоса в ушах опять заглохло. «Свести к обыденному... – подумал он. – Вот интересно, когда в тебя стреляют – считать это или не считать обыденным?»

В том, что стреляли, не могло быть сомнений. Вон и дырочка в полу – наверняка там и пулю можно найти, если как следует поковыряться.

Но – улица... Какая же, растуды ее, улица?.. Шайбопрокладочная?.. Шиферозаменительная?.. Щелокосмазочная?..

Почти что так...

Он так тужился вспомнить ее название, что эти попытки даже притушили память о выстреле в его собственную башку...

Щавелекислотная?.. Шлакоблочная?.. Чугунноголовая?..

Расползавшийся от монитора по всей комнате хлорвиниловый чад не давал сосредоточиться. «Сам ты чугуноголовый! – в сердцах обругал себя Еремеев. – Тушить же надо – эдак и до пожара недалеко!»

Он устремился на кухню, набрал большой кувшин воды и когда, вернувшись, хотел уже было выплеснуть его на монитор, вдруг услышал сзади голос:

– Бог мой, осторожно, Дмитрий Вадимович, что вы делаете?! Надо же сперва от сети отключить!

Вздвогнув, он обернулся.

Позади стоял сыщик из того самого агентства «Виктория» с весьма запоминающейся фамилий Небрат.

– Да, да! – спохватился Еремеев.

Он выдернул вилку из розетки и лишь затем стал поливать водой монитор. От этого запах сделался еще более едким, но опасность пожара явно была ликвидирована. Лишь затем он снова обернулся и спросил с удивлением:

– Как вы, собственно говоря, вошли?

– Вы отчего-то забыли запереть дверь, – невозмутимо ответил Небрат, – что, смею сказать, с вашей стороны весьма, как мне кажется, опрометчиво. Боюсь, вы даже себе не представляете, какие вещи иногда творятся в нынешней Москве.

Безусловно, Небрат был прав. Да как она, дверь, и могла быть заперта, если даже самого факта расставания с Гоней он, Еремеев, не помнил начисто. Стало быть, свалился на диване, покуда тот о чем-то своем, занудливом дребезжал, а затем Гоня сам как-то укувылял, разумеется не позаботившись защелкнуть замок. Если бы нынешний стрелок об этом знал, то ему, поди, и винтовка бы не понадобилась.

Между тем Небрат спросил:

– А что собственно произошло?

Еремеев ответил почему-то смущенно:

– Да тут несколько минут назад в меня стреляли, а попали вот в монитор.

– Но у вас кровь на лице.

– Пустяки, – сказал Еремеев. – Осколки.

– Ясно, – кивнул Небрат, словно разговор шел о чем-то рутинно обыденном. Затем он отдернул штору и стал внимательно вглядываться в противоположный дом.

– Осторожно, – предупредил его Еремеев. – Вдруг он, который стрелял, все еще там? – на что Небрат чуть заметно усмехнулся:

– Ага, как же! Сидит и дожидается, покуда вы милицию вызовете... – И добавил: – Все понятно: стреляли с крыши – судя по всему, вон из-за той крайней трубы. – Он оценил направление отрезка между двумя отверстиями, в оконном стекле и в полу, после чего заключил: – Да, трасса пули вполне четко прослеживается... Однако, прошу прощения, с чего это вы взяли, что мишенью были именно вы?

Вопрос удивил Еремеева.

– А как бы вы рассудили, – спросил он, – если учесть, что, кроме меня, в комнате никого не было?

– Дело в том, – пояснил детектив, – что с такого расстояния промахнуться из винтовки с оптическим прицелом (а я не сомневаюсь, что именно такую и имел при себе злоумышленник), уверяю вас, практически невозможно. Ну-ка, попытайтесь сколь возможно в точности воспроизвести, как вы сидели в тот миг, когда пуля влетела в окно.

Еремеев уселся в кресло, долго ерзал, подбирая верную позу, наконец сказал:

– Кажется, вот так примерно... Да, именно так!

– Quod erat demonstrandum! – проявил неожиданную образованность Небрат. – Вот и получается, что вы сидели почти в метре от пролетающей пули. Даже самый неопытный стрелок

при наличии оптического прицела не допустил бы столь досадного промаха, а тут действовал, я совершенно не сомневаюсь, профессионал... Впрочем, это мы сейчас проверим – подобное дело не терпит скоропалительных выводов.

Он достал из кармана мобильный телефон, зачем-то удалился с ним на кухню, с минуту вел там какие-то переговоры, потом, вернувшись, сказал:

– Пока наши ребята – они сейчас получили от меня задание – кое-что устанавливают, я бы хотел задать вам некоторые вопросы, касающиеся вашей пропавшей жены... Если вы, конечно, в данном состоянии способны на них на них отвечать. – Поди пойми, что он имел в виду под «данном состоянием» – то ли последствия вчерашних посиделок с Гоней, о которых свидетельствовал запах перегара, тяжело висевший в воздухе, то ли пережитый Еремеевым после этого выстрела стресс.

– Появилось что-нибудь новое? – спросил Еремеев.

– Нет, – покачал головой детектив. – Но чем больше мы будем знать... В общем, наверно, вы сами понимаете... Итак, по образованию ваша супруга, сколь я помню, инженер...

– Инженер-химик, – уточнил Еремеев.

– Да, да, это у нас записано, – кивнул Небрат. – Однако в последнее время, перед исчезновением, она, как вы, помнится, говорили, была... Как бы это поточнее выразиться...

– Гадалкой, – подсказал Еремеев. – Но это было скорее просто досужее развлечение. Хотя некоторые гаданиям ее верили. Денег она, кстати, если вас это интересует, за свое гадание никогда не брала.

Детектива, однако, почему-то сейчас интересовало совершенно другое.

– И на чем же она гадала? – спросил он. – На картах, на кофейной гуще?

– Вообще-то почти на всем, – признался Еремеев. – У нее целая библиотека по гаданию. Иногда по руке тоже гадала... Еще, бывало, по числам: называется – нумерология.

– Знаю, – кивнул Небрат.

– На свечном воске, на пепле, на чайниках... (Детектив внимательно слушал, со знанием дела кивал.) На кленовых листьях, на рыбьей чешуе, на узелках... На чем бишь еще?..

– Возможно, на черепаших панцирях? – предположил Небрат. – Популярное в Китае гадание.

– Нет, этого не было, – покачал головой Еремеев. – Может, она и умела, да с черепаками, понимаете ли, тут, в Москве, проблема. А вот на бобах, на молочной пене, на песке... – Он примолк, пытаясь припомнить что-нибудь еще, словно это впрямь могло иметь какое-либо значение.

– На испражнениях животных, на внутренностях свежеебитых птиц... – подсказал всезнайка-детектив.

– Нет. Фи, гадость какая!

– Да обычное дело. Очень было распространено среди этрусских и древнеримских жрецов-гаруспиков. Неужели никогда не слышали?

Широта познаний детектива впечатляла.

– Да, слышал что-то такое... – смутно вспомнил Еремеев. – Нет, Ира ни за что не стала бы такой дрянью заниматься, да и я бы ей не дал. Все было, так сказать, в рамках. Ну там на книгах... Когда-то, помню, астрологией увлекалась... В последнее время изучала гадание на клубках шерсти...

Оказалось, что чем-то все-таки и этого Небрата можно удивить.

– Шерсти? – переспросил он. – Крайне любопытно, никогда прежде не слышал.

– Да, мало кто слышал, – согласился Еремеев. – Старинный способ гадания, применявшийся, кажется, в древней Греции... Однако, право, не понимаю, какое все это может иметь отношение?.. У вас что, возникла какая-то версия? Так, может, изволите поделиться?

Но делиться тот вовсе даже не стал. Спросил вместо этого:

– А скажите... сколь бы странным не показался вам вопрос... Скажите, не появлялось ли у нее желание стать кем-то другим? Совсем, совсем другим человеком.

Вопрос показался Еремееву глупым.

– Да наверно, такое желание появляется у всех, – сказал он. – У вас в том числе... – Он изучающе посмотрел на Небрата. Невысок, возраст под шестьдесят, атлетическим телосложением не обладает, лицом тускловат, вообще похож скорее не на сыщика, какими их Еремеев себе представлял (в основном по телесериалам), а на какого-нибудь счетовода старой закваски, не хватало только сатиновых нарукавников. – Вы-то, наверно, – добавил он, – тоже, должно быть, не всегда мечтали стать сыщиком, были, полагаю, в жизни и другие мечтания.

– Сейчас не обо мне речь, – сказал Небрат. – Но коли уж вы спросили, то смею вас заверить, что касательно меня вы как раз заблуждаетесь. Да, имелись у меня в жизни и другие профессии, но мечтал я, честное слово, только об этой. Фантазия, понимаете ли, такая с самого детства была. И как изволите видеть, фантазию свою в какой-то мере таки осуществил...

– Увы, не у всех фантазии так же осуществимы, – нашел в себе силы улыбнуться Еремеев. – Моя, например – уж точно, едва ли...

– Гм, любопытно, и кем же вы себя фантазируете? – поинтересовался Небрат.

Еремеев представил себе все вживе. Вот он лежит брюхом кверху, прикрыл лицо каким-нибудь тропическим лопухом, жаркое солнце греет сытое пузо, и никаких забот о хлебе насущном, никаких тревог.

– Молодым орангутангом на острове Борнео, – честно признался он.

– Да, с вашей фантазией дело обстоит, пожалуй, куда сложнее, – согласился сыщик. – И все-таки вернемся к вашей жене, к ее фантазиям.

– Боюсь, что с ее фантазиями дело обстоит ничуть не проще, – сказал Еремеев. – Так что вряд ли это как-нибудь может способствовать...

– А все-таки?

– Хорошо, – сказал Еремеев уже с некоторым раздражением. – Коль хотите, незадолго до того, как исчезнуть, она не раз воображала себя главной жрицей богини Иштар. Вам это о чем-нибудь говорит?

Вид у сыщика был задумчивый.

– Иштар, она же Ашерот, она же Астарта... Одна из самых почитаемых богинь Вавилона и всего Древнего Востока, – со знанием предмета проговорил он.

– Если угодно знать, – добавил Еремеев, – Ирина даже имя для себя где-то раскопала. Хотите знать, какое?

– Было бы любопытно.

Еремеев тщательно выговорил:

– Ина-Эсагиларамат.

Нет, решительно ничем нельзя было поставить в тупик этого Небрата. К полному изумлению Еремеева, он с ходу совершенно точно перевел:

– «Любимая в храме Эсагилы» – кажется, так. Насколько я знаю по литературе, жрицы этой богини Иштар занимались в храмах древнего Вавилона ритуальной проституцией. Весьма любопытный, мне кажется, факт.

Мог бы этого и не добавлять. Еремееву стало неприятно. Довольно сухо он спросил:

– И это сколько-нибудь приближает вас к объяснению случившегося?

– Кто знает, кто знает... – задумчиво отозвался Небрат. – *Qui vivet – vivet*, – тем самым показывая, что ему не чужды не только латынь и древнеакадецкий. – Во всяком случае, я бы не стал в столь необычном деле, как наше, опускать такие подробности. Между прочим, должен сказать, что именно такого рода подробностями...

Договорить он не успел – в кармане у него затренькал мобильник. Небрат взял трубку и, не задавая никаких вопросов, только мерно, с интервалом в полминуты повторял: «Угу».

Еремеева опять мутило, и потому, видимо, между «угуканьями» Небрата опять в ушах задребезжал Гонин голос, в общем-то перекликавшийся словами с тем, что пару минут назад говорил странный сыскарь:

– Понимаешь ли, Еремеич, только самые казалось бы незначимые подробности могли бы помочь нам ухватить кончик ниточки, которая в конечном счете...

Наконец Небрат перестал «угукать», убрал трубку в карман и сказал:

– Ну вот, мои предположения оказались верными. Только что наши ребята осмотрели крышу. Именно за той самой трубой они нашли винтовку с оптическим прицелом. Название марки вам ничего не скажет, но я-то знаю, что такая штукавина стоит несколько тысяч долларов. Ни у кого, кроме хорошего профессионала, такой не может быть. И то, что он оставил на месте столь дорогую вещь, тоже свидетельствует о том, что мы имеем дело с настоящим профессионалом: их непреложное правило – всегда избавляться от единожды засвеченного оружия. И что же, рассудите сами, из этого следует?

– Что зачем-то на меня охотится опытный профессиональный убийца... – с сомнением проговорил Еремеев.

Небрат закатил глаза.

– Нет, право же, у вас что-то явно с головой! – не особенно вежливо сказал он. – Как можно делать выводы, столь диаметрально противоположные тем, которые с очевидностью напрашиваются сами собой?! Уже говорил вам, а теперь еще более настойчиво повторяю: если бы работал профессионал, то мы бы с вами сейчас бы не разговаривали! Вы же, если не считать двух случайных царапин, совершенно целы, – как-нибудь это вяжется с работой настоящего профессионала? Да за такой промах его бы!..

– Но все-таки он, к счастью для меня, промахнулся, – вставил Еремеев.

– А с чего это вы, собственно, взяли, что он промахнулся? – резко спросил Небрат.

– Но... – Еремеев чуть замялся. – Но поскольку мы с вами все-таки разговариваем – а это факт, по-моему, довольно очевидный...

Небрат перебил:

– Давайте-ка все-таки будем точны. Интересно, что вы называете промахом? А то, боюсь, мы с вами имеем в виду совершенно разные вещи.

Вопрос показался глупым. Все же, чуть призадумавшись, Еремеев наконец сформулировал более или менее приемлемое определение:

– Промахом, если вам угодно, я называю непопадание в намеченную цель.

– Вот-вот, совершенно исчерпывающе, – охотно согласился Небрат. – Но кто же вам сказал, что этой намеченной целью были именно вы? Не станете же вы, надеюсь, утверждать, что стрелок вовсе ни во что не попал?

– Если вы имеете в виду старый монитор, которому и цена-то в базарный день... – начал было Еремеев, и снова детектив его перебил:

– Эта цена может быть в равной степени как ничтожной, так и огромной, – сказал он. – Все зависит от того, что было на экране в то мгновение, когда произошел выстрел.

До Еремеева наконец стало доходить. Почему он сразу не рассказал об этом сыскарю?!

– Да, да! – воскликнул он. – Там был сайт! Крайне любопытный сайт! Я неожиданно нашел его в интернете еще вчера! Сайт назывался «Исчезновения»! Как раз о людях, пропавших за последнее время при загадочных обстоятельствах. Я подумал, что, быть может, и наш случай...

В глазах у детектива обозначился живой интерес. Он даже не дал Еремееву договорить.

– Экий вы, Дмитрий Вадимович! Что ж вы про такое молчали-то?..

С этими словами он поспешно выбежал в прихожую и принес оттуда небольшую изящную кожаную сумку. В сумке оказался отличный, явно очень дорогой японский ноутбук. Небрат быстро достал его, подключил к интернету и, спросив:

– Как вы сказали? «Исчезновения»?... – быстро зашелестел пухленькими пальчиками по клавиатуре.

Наконец на экране появилась надпись. И тут они лишь переглянулись молча. Потому что эта надпись была:

Г-н Еремеев.

Простите великодушно за испорченный монитор.

Г-ну Небрату мои наилучшие пожелания.

В. О.

В сердцах Небрат отключил ноутбук.

– Черт! – с досадой проговорил он. – Успел-таки, мерзавец!

Еремеев не понял:

– Что успел?

– Не дать вам вступить в контакт – вот что! – зло отозвался сыщик. – Для того он, мерзавец, и по монитору стрелял!.. Он еще и не на такое способен!

– Да кто, кто о н?! – не выдержал Еремеев.

Детектив буркнул:

– Вольный охотник... Впрочем, не знаю...

– Что еще за вольный охотник?

– Да так... – отмахнулся Небрат. – Просто буквы эти – «В. О.» – нечаянно сложились...

– и, явно не желая больше продолжать эту тему, насел: – Давайте-ка вспомните хорошенько, что было на мониторе в момент выстрела.

– Послание... Обращенное ко мне лично...

Небрат, позабыв о всяких приличиях, гаркнул на него, как гестаповец на допросе:

– Ну! Жилы из вас тянуть?!

Вдруг такой напор Еремеев ощутил в этом невзрачном человечке, что лишь удивился, но даже не нашел в себе сил его как следует осадить. Пробормотал, как школьник, слабо выучивший урок:

– Это было приглашение... Меня там приглашали...

– Черт вас возьми! – взвился опять сыщик. – Если приглашение – то ясно, что п р и г л а ш а л и! Что за лепет! Вы же писатель, по-моему. Куда, куда приглашали?! Извольте говорить, а не мычать!

По-прежнему Еремеев чувствовал себя нерадивым учеником, из которого на уроке ненавистой ему химии учитель выжимает хиленькую троечку. И слова он стал из себя выдавливать примерно такие же, как тогда, в детстве:

– Я не успел прочитать... То есть успел, но не запомнил... Там еще адрес был... Номер-то дома я запомнил – кажется, семь...

– Кажется, или точно?

– Да, точно, точно семь!

– А улица?

– А вот улица... Какая-то, по-моему, на букву не то «Ш», не то «Щ»... Я про такую и не слышал... Что-то такое «Ши...», «Ще...»

– Щелковская? – подсказал Небрат. – Или, может, Щукинская?

– Нет, и Щелковскую, и Щукинскую я знаю... Скорее все-таки – «Ши...»

– Щипок?

– Что?

– Щипок. Улица такая в Москве есть, в районе Серпуховки.

– А-а... Нет, не Щипок, подлиннее название. По-моему, оно как-то с техникой связано...

– И тут в озарении хлопнул себя по лбу: – Конечно! Вспомнил!

– Ну – и?..

Однако Еремеев, не отвечая сыщику, стал торопливо переодеваться.

– Мы куда-то собираемся? – спросил тот.

– Я кое-куда собираюсь, – сделав ударение на этом «я», отозвался Еремеев из прихожей, где в данную минуту зашнуровывал ботинки. – Вас, насколько я помню, туда не приглашали. – Теперь хотелось отплатить незнамо что возомнившему о себе сыщику за его недавний гестаповский тон.

Небрат с упакованным в сумку ноутбуком уже стоял тоже в прихожей и терпеливо дожидался, пока он завяжет шнурки. Затем сказал:

– Улицу, между прочим, вы мне так и не потрудились назвать.

– Вы на редкость наблюдательны, – съехидничал Еремеев. – Да, не назвал. Поскольку (уж не взыщите) еду туда один. И не вижу, право, никакой нужды в вашем сопровождении.

Сыскарь нахмурился:

– Вы полагаете, я вот так вот просто отпущу вас туда одного? Тем более в вашем нынешнем состоянии!

Состояние и впрямь оставляло желать лучшего. Ах, Гоня, Гоня, и надо было ему вчера за третьей бутылкой бегать!.. Однако Еремеев, поднявшись с табурета, отвечал, что он, будучи свободным человеком в свободной стране...

– Да, да, разумеется, – неожиданно миролюбиво кивнул Небрат и вдруг – то ли впрямь, то ли Еремееву это лишь померещилось – сделал совершенно неуловимое движение рукой.

Что это было? Короткий удар под дых или просто у Еремеева от общего нездоровья само по себе на миг отнялось дыхание?..

Снова обрел его только когда вместе с сыщиком стояли уже по другую сторону двери и Небрат, заботливо придерживая Еремеева, чтобы тот не упал, по-отечески приговаривал:

– Вот так, остороженько. Вам сейчас резких движений – ни-ни... Дверь-то, дверь закройте как следует, на оба замка.

Еремеев между тем думал: так был все же удар или удара не было? Но так и не сумев дать себе окончательный ответ на этот оказавшийся далеко не простым вопрос, в конце концов решил для себя – с одной стороны считать, что не было никакого удара, примерещилось, в противном случае следовало бы как-то на сие отреагировать, а он не знал как; с другой же стороны, держаться с этим непонятным человеком поосторожнее и не предпринимать против него более никаких демаршей.

Пухлая на вид ручка сыщика теперь держала его локоть твердо, как каменная.

– Остороженько, не споткнитесь. Еще вот ступенечка, остороженько, – не уставал приговаривать он. – Сейчас воздуха свеженького вдохнете – совсем себя человеком почувствуете...

Еремеев, сопровождаемый Небратом, спускался по лестнице и не мог отделаться от странного ощущения, что, хотя все вокруг вроде бы вполне знакомо, но лестница эта совершенно чужая, точно он видит ее сквозь какое-то искажающее очертания стекло.

А может, наоборот – лишь сейчас впервые видел ее истинным, незатуманенным взглядом, на ходу отмечая в сознании каждую выбоину на ступенях, каждый потек на потолке, каждую отметину на подоконнике – и каждую такую неприметную деталь хотел прочно запечатлеть в памяти, как это бывает перед расставанием навсегда. Он не понимал, с чем это связано, но почему-то казалось, что сейчас именно такая минута...

У подъезда, словно дожидаясь именно их, стояло канареечно-желтое такси. Одной рукой продолжая держать Еремеева, другой Небрат открыл дверцу и сказал водителю, усатому здоровяку с затейливыми наколками на волосатых руках:

– Нам на Щитораспределительную.

Неужели Еремеев все-таки назвал ему улицу?.. Да нет, не было такого!.. Или тот, как истинный профессионал, по первому же намеку догадался?

– А где это? – удивился здоровяк-водила. – Вроде всю Москву изъездил, а такой...

– Ладно, ладно, как-нибудь по дороге разберемся, – перебил его детектив, – чай, не в первый раз, а? – и вдруг бросил на него взгляд, в котором вроде бы не было ничего особенного, но Еремееву это взгляд отчего-то показался немного странным.

«А ведь они, кажется, знакомы, – внезапно подумал он. – И такси едва ли случайно стояло у подъезда. Очень похоже, что действительно поджидало нас...» И так ему все это внезапно не понравилось, что он решил выйти на первом же светофоре – за сигаретами, мол (сигареты в самом деле кончились) – и раствориться где-нибудь между киосками.

С этими мыслями он попытался сесть рядом с водителем, но Небрат держал его за локоть крепко, не вырваться – неужели эдак вот вмиг разгадал его планы? Скорее всего. Во всяком случае другого объяснения не было.

– Э, куда, куда? – затараторил детектив. – Нет уж, Дмитрий Вадимович, прошу назад – ей-ей, так оно будет лучше!

– Во-во, – кивнул водитель, – а то у меня тут маслом сидение залито.

Какое-то пятно на сидении вправду имелось, но теперь уже Еремеев почти не сомневался, что тот действует с Небратом заодно.

Кликнуть кого-нибудь на помощь? Но, кроме этих двоих, поблизости был только какой-то попрошайка, с шапкой в руке сидевший у подъезда и с любопытством взиравший на них, от такого ждать помощи не приходилось.

Впрочем, и воли сопротивляться уже не было. Еремеев, ни слова больше не говоря, уселся на заднее сидение. Небрат, подвинув его, тут же сел рядом, и машина мигом тронулась с места.

Минут через пять езды его начало сильно клонить в дрему. Дома приобретали неестественные очертания, словно плаваясь в августовской жаре. И в ушах опять дребезжал голос:

– ...И еще скажу тебе, друг Еремеевич: громогласной бывает только ложь, а шепот истины всегда тих, надо уметь его услышать, чутким ухом исследователя вслушиваться, что там тебе нашептывают невидимые д?хи элементали. Вот, к примеру, вспомни этот странный Иришин сарафан. Ведь согласишься – неспроста...

– ...Господи, Еремеев! (Откуда не возьмись голос Ирины.) Да какой, какой же это тебе сарафан?! Это ритуальная одежда жрицы богини Иштар! Жрицы, чье имя Ина-Эсагиларамат...

– ...что означает: «Любимая в храме Эсагилы», «Любимая в храме Эсагилы»! – соткавшись из воздуха, нашептывали невидимки-элементали.

II

Лавка «Ниневия».

Разговор на третьем уровне.

Ирина

Отныне она – владычная жрица...

«Если бы не мать моя...»

(Из литературы Шумера)¹

– ...Нет, правда, ты иногда сказанешь, Еремеев! – говорила Ирина. – Писатель все-таки – должен бы, кажется, уметь слова подбирать! Ну где, где ты, скажи, такие сарафаны видел? То же самое, что лавровый венец назвать малахаем!.. Это, между прочим, ритуальное одеяние вавилонской жрицы, я сшила себе точную копию...

Собственный голос пробивался из сна почему-то гораздо глуше:

– Так ты теперь не цыганка, ты теперь вавилонянка? (Он уже привык к Ирениным причудам.) И что ж, эти вавилонские жрицы тоже умели гадать по руке?

– Боже, какой ты все-таки непросвещенный, Еремеев! Да все гадания происходят из Вавилона! Он родина всех тайных знаний! И жрицы богини Иштар...

– Надо полагать, гадали еще лучше? Даже лучше, чем ты нагадала жене бедняги Чичагина? (Санька сбежала от Чичагина к какому-то газетному щелкоперу как раз после того, как Ирина нагадала ей по руке это самое).

– А вот улыбочка эта твоя ироническая, Еремеев, совершенно лишняя! Что, неправду нагадала?

– Ну тут, по-моему, возможны варианты. Допустим, что Санька давно уже задумала сбежать, а ты только подтолкнула ее своим гаданием.

– Ты просто брюзга и Фома Неверующий, вот ты кто, Еремеев, даже спорить с тобой не хочу!.. Кстати, вавилонские жрицы умели не только гадать.

– И что же еще они умели?

– Они еще умели любить. Пожалуй даже, это было главным их умением! И имена носили соответствующие. Например, Ина-Эсагиларамат, что означало «Любимая в храме Эсагилы». Умашивали себя ритуальными мазями, отчего тело их становилось... Смотри...

Вдруг она распахнула свою странную одежду, которую он, Еремеев, по незнанию вавилонского языка обозвал сарафаном, и предстала перед ним совершенно нагая. И – Боже! – как она была прекрасна и соблазнительна в этой наготы! Так прекрасна, что он просто не мог с собой совладать!

– Подожди, не двигайся, – остановила она его. – Замри! Сначала глубже почувствуй, как любовь проникает в тебя.

О, он чувствовал, чувствовал это! Каждым миллиметром, каждую охваченной дрожью клеточкой своего тела!

– Они занимались ритуальной проституцией, – сказала Ирина, – но душа их всегда принадлежала одному-единственному.

– И кому же?

– Богу Эсагиле, их небесному супругу.

– О, как она хороша, как хороша, как хороша! – нашептывали откуда-то из густого воздуха невидимки-элементали.

– Она ослепительно хороша!

– Она так хороша, что Эсагила непременно заберет ее к себе! Никому другому она не может принадлежать, так она хороша!

– Он заберет ее, он не может ее не забрать!

Еремеев попытался пробиться сквозь их заполнивший все пространство шепот:

– Я ее не отдам! Она моя!..

– Ах, право, посмотри, посмотри на себя! Неужели ты можешь сравнить себя с Эсагилей?

– Да никакого, никакого сравнения!

– Эсагила сказочно красив, не чета тебе!

– Эсагила не только красив, но и мудр!

– От Эсагилы не разит коньяком!

– Эсагила ее заберет! Она исчезнет!

Воздух вдруг помутнел, Ирину уже не было видно, и в этой мути только слышались слова, подхваченные распоясавшимися духами:

– Она исчезнет!

– Она исчезнет!

– Она исчезнет!

– Где ты?! – крикнул Еремеев.

– Щитораспределительная улица, – вместо Ирины отозвался знакомым голосом какой-то дух, тогда как остальные элементали по-прежнему частили меленько: «Она исчезнет!», «Она исчезнет!», «Она исчезнет!..»

.....

Еремеев открыл глаза. Да ведь и не дух это вовсе говорил сейчас про Щитораспределительную улицу! Вполне земной детектив Небрат, вот это кто!

– Да, Щитораспределительная, – повторил сыщик. – Приехали, кажись.

Еремеев с удивлением смотрел в окно машины. Никогда не предполагал, что в Москве могут существовать такие безлюдные и грязные улочки. Улица стоила своего унылого названия. Вдоль нее тянулся ряд четырехэтажных домов с крышами, похожими на крышки гробов, и со стенами, штукатурка на которых не подновлялась, наверно, добрых лет пятьдесят. Возле одного из домов стоял на четырех кирпичках заржавевший кузов какого-то довоенного автомобиля, создавая ощущение, что само время тут заплуталось и заржавело. Безрадостный пейзаж дополняли такие же ржавые помойные ящики, в которых лениво копошились жирные крысы. На тротуаре сидел одноногий нищий, рядом лежала кепка для сбора милостыни, которая была, однако, совершенно пуста, да и непонятно, на какую вообще милостыню бедняга мог рассчитывать в столь убогом, заплеванном месте.

– Не понимаю, в каком мы... гм... районе... – проговорил он.

Небрат отозвался:

– Ах, милейший Дмитрий Вадимович, если бы в данной ситуации это было единственное, чего вы не понимаете!.. Во всяком случае мы нашли то, что искали, и далее нам надобно, очевидно, вон туда, – он указал на старомодную дощатую вывеску над входом в какой-то магазинчик, гласящую, что это ни что иное, как «Антикварная лавка “НИНЕВИЯ”».

– А это вы с чего взяли? – поинтересовался Еремеев. – Ни про какую такую «Ниневию» в том приглашении не говорилось.

– Метод дедукции, – пояснил сыщик. – В приглашении, как вы говорили, был указан дом номер семь, не так ли? Это и есть номер семь, как видите. – Действительно, на стене дома можно было различить блеклую семерку. – Далее, – продолжал Небрат, – если бы речь шла о частной квартире, то ее номер тоже непременно был бы указан в приглашении. А поскольку его не было, то речь могла идти только о каком-либо приметном заведении. Наверно, вы согласитесь, что ничего более приметного, если, конечно, не считать помоек, на этой Щитораспределительной улице нет.

Еремеев согласился:

– Пожалуй, вы правы. Что ж, расплатимся с водителем и зайдем.

Водитель этот с уголовными татуировками нравился Еремееву еще меньше, чем бесшерстный Небрат, и избавиться хотя бы от него было бы уже некоторым облегчением. Уже и кошелек Еремеев из кармана достал, однако детектив остановил его:

– Нет-нет, все уже уплачено. Я заплатил по дороге, покуда вы изволили почивать. Кстати, он согласился подождать нас, что, по-моему, весьма любезно с его стороны. Так что...

– Все о`кей, земляк, – неведомо чему усмехнулся неприятный водила.

– Так что, – продолжал Небрат, – давайте-ка заходите в эту самую «Ниневию».

– А вы? – спросил Еремеев.

– А я зайду через несколько минут после вас. – И, отвечая на удивленный взгляд Еремеева, добавил: – Поверьте, на то есть довольно веские соображения. – Делиться этими соображениями, впрочем, не стал, а только вылез из машины наружу, чтобы выпустить Еремеева, и затем влез обратно.

В лавке, занимавшей большую комнату, пахло застарелой пылью и мышами, однако выбор антиквариата здесь был хотя и на первый взгляд случайный, но достаточно обширный. Старые самовары, граммофоны, подсвечники соседствовали на стеллажах с медными телескопами, деталями каких-то кажется навигационных приборов, фаянсовыми статуэтками, гипсовыми бюстами с отбитыми носами и еще каким-то хламом вовсе уж непонятного предназначения. На некоторых полках стояли книги, среди них имелись и старинные фолианты в кожаных переплетах, судя по всему весьма дорогие, что было странно для такой затрапезной лавчонки, где едва ли часто бывают настоящие знатоки.

Приглядывал за лавкой какой-то густо веснушчатый, весьма дебильного вида малец лет тринадцати, да и приглядывал весьма относительно, прямо сказать, ибо явно основным объектом его внимания в эту минуту была стайка мух, кружившихся под потолком, на которой было сосредоточено все его внимание. Еремеев обратился к конопатому недоумку:

– Слушай, кто-нибудь постарше тут есть? Будь добр, позови.

Однако толку от этого было чуть. Малец лишь повел в его сторону неосмысленными глазами, ничего не ответил и снова сосредоточился на кружении насекомых. Но кто-то же, кроме этого олигофрена, здесь должен был быть. Еремеев сколь мог громко прокашлялся.

Никакого результата.

От нечего делать он взял с полки один из фолиантов. Его скромных познаний в латыни хватило, чтобы разобрать, что это книга Раймонда Луллия¹ «О философии материи» издания 1567 года. Ничего себе! Одна сия книженция, насколько он себе представлял, стоила дороже всех обшарпанных домов на этой Щитораспределительной улице. И только тут малец, отвлекшись от мух, вдруг пронзительно заверещал:

– Дедуля, дедуля! Он лапает! – Не полным, выходит, был все-таки идиотом.

Мигом на его зов откуда-то появился сухенький старичок в свалывшемся сюртуке.

– Вам это разрешили трогать, молодой человек? – сердито обратился он к Еремееву. – По-моему, вы не у себя дома!

– Но... – Еремеев смутился. – Никого не было...

– Это еще не дает вам повод здесь хозяйничать! – парировал старикан. – Если я на пару минут отлучился, то могли бы позвать. – Он еще более распалился, даже лицо зарозовелось от гнева. – Да и собственно что вам вообще тут надо? Вас сюда приглашали?

Вопрос был странный.

– Но магазин был открыт, – сказал Еремеев. – Неужели для того, чтобы в него зайти, необходимо какое-то особое приглашение?... Тем более, – вдруг вспомнил он, – что меня-то как раз действительно приглашали...

Старик посмотрел на него с подозрением.

– И давно?

– Не далее как сегодня.

Гнев старика мигом улетучился.

– Позвольте, позвольте... – пробормотал он. – Да вы же, никак, господин Еремеев? Господи, я должен был сразу догадаться, что вы и есть Еремеев! Разрешите представиться: Шмаков Иван Арсентьевич, владелец этого пыльного хозяйства, пепелища времени.

– Не такое уж и пепелище, – сказал Еремеев. – Книжки, я гляжу, несмотря на свой почтенный возраст, сохранились отличнейшим образом. Прелюбопытные, кстати, по-моему, книжки.

– Более чем! – подтвердил Шмаков. – Та, к примеру, что вы держите в руках – первоиздание трудов великого Луллия. Да что я вам объяснять буду – вы и сами, я полагаю, знаток.

– Не слишком-то большой, – смутился Еремеев. – Но я так полагаю, эта книга стоит огромных денег.

– Что деньги, – воскликнул Шмаков, – когда речь идет о чем-то несоизмеримо более дорогом, чем любое золото! Я имею в виду те мысли и те великие тайны, кои здесь содержатся и до коих мы, позволю себе утверждать, так и не доросли! Да вот хоть бы например... – Он взял фолиант из рук Еремеева, открыл посередке и стал бегло переводить с латыни: – «Может ли в подлунном мире что-либо исчезнуть без следа? Слепцы: мы просто не способны видеть иные субстанции, нежели те, к которым привыкли наши несовершенные глаза! Рабы телесного мира, мы не в силах прорваться к более тонким материям и именуем исчезновением то, что по сути является лишь сменой оболочки...»

Еремеев уловил в этих словах средневекового философа некоторую переключку с тем, о чем, не умея это так сформулировать, в последнее время думал и сам. Он решил, что и старик не случайно выбрал именно эту цитату – таким образом, возможно, хочет подобраться к разговору, ради которого его сюда позвал. Так оно, видимо, и было, ибо Шмаков закрыл книгу и сказал:

– Ну да о книжках, коли будет время, еще с вами поговорим. Сперва все-таки о главном – о том, из-за чего, собственно...

Говоря это, он стоял к двери спиной и не мог видеть, как в лавку тихо вошел Небрат и следом за ним непонятно для чего – странный таксист. Договорить старик не успел, ибо в это самое мгновение сзади раздался голос детектива:

– Так-так... Стало быть, вы и есть та самая загадочная персона, которая нынче пригласила сюда нашего уважаемого клиента?

Старик встрепенулся:

– Это еще кто?.. – На лице его снова обозначился гнев. – Уж кого бы, вас-то я совершенно точно не приглашал! – А на Еремеева при этом лишь взглянул укоризненно и покачал головой.

Тому стало неловко перед стариком.

– Вы не могли бы дать нам поговорить? – сказал он бесцеремонному сыскарю. – Я, кажется, не просил вас вмешиваться.

Детектив не придал никакого значения его словам и вообще словно бы не замечал его присутствия, обращался исключительно к старику-антиквару:

– Итак, повторяю вопрос. Приглашение к господину Еремееву последовало от вас?

– Какое еще такое приглашение? – заупрямился старик. – И вообще попрошу вас выйти вон! – Он даже ногой притопнул, что, впрочем, не произвело ни малейшего впечатления на детектива.

– То самое интернет-приглашение, по которому он сюда и прибыл, – спокойно сказал Небрат, а таксист, поигрывая бицепсами, вставил:

– Так что ты, папаша, давай-ка лучше отвечай на вопросы, не гоношись. А то колупаться тут будете, а у меня счетчик включен.

Шмаков не сдавался.

– Боюсь, вы попали не по адресу, – не обращая внимания на таксиста, решительно ответил он сыщику. – Здесь, коль сами еще не поняли, лавка древностей, а вы мне изволите – про какой-то интер... как бишь его? Шминтернет, что ли?

– Интернет, – подсказал детектив.

Старик подхватил:

– Вот-вот! Ну и где, где вы тут видите такой? Может, это он? – Шмаков потряс в воздухе граммофонной трубой. – Или это?.. Или, может, это?.. – Он поочередно потрясал то самоваром, то подсвечником, то какой-то, кажется, астролябией. – Где он, ваш интер-шминтер? Покажите мне тут его!

– Но вы каким-то образом сразу догадались, что перед вами ни кто иной, как господин Еремеев, – парировал Небрат. – Как бы вы могли догадаться, если это не вы самолично его сюда вызвали?

– Боже! – воскликнул старик, возведя глаза к потолку. – Вы еще можете спрашивать, как я догадался! Да будет вам известно, я библиофил с шестидесятилетним стажем; мог ли я сразу же не узнать в моем госте известного писателя Еремеева?

Тут старик явно перебрал. Таким уж известным писателем Еремеев вовсе не был, по телевидению не выступал и портреты его, совершенно точно, нигде никогда не публиковались. Небрат, разумеется, тоже не поверил, но старик Шмаков, теперь не давая детективу вклиниться словом, продолжал на него наседать:

– Зачем мне, скажите на милость, какой-то интер-шминтер, чтобы узнать писателя? Если я знаком еще и с творчеством Гомера и Достоевского («Эка, право, загнул! – подумал Еремеев»), то, по-вашему, тоже благодаря какому-то интеру-шминтеру?.. Зачем же вы, – обратился он уже к Еремееву, – зачем вы за собой этих тупиц приволокли?

– Ну-ну, полегче, – вставил водитель.

Еремеев был смущен до крайности.

– Правда, пойдемте ради Бога отсюда, – обратился он к детективу и к таксисту умоляющим голосом.

– Да не вмешивались бы вы! – сердито прикрикнул на него Небрат.

Тут уж Еремеева разобрало.

– В конце концов это я вас, кажется, нанял! – взорвался он. – Так извольте выполнить мою просьбу!

– Нет! – с новой силой напел на Небрата старик. – Нет уж, пусть ищет свой интернет-шминтернет! Может, это?.. – Он схватил тяжелую подзорную трубу и, не удержав в своих сухеньких ручках, нечаянно (а то, глядишь, и нарочно, шут его разберет) обрушил ее детективу на плечо.

Таксист подскочил к нему:

– Э, ты чего раздухарился, папаша? – и слегка толкнул старикашку в грудь.

Непонятно, впрямь оказался толчок сильнее, чем верзила-таксист рассчитывал, или старик просто весьма ловко умел прикидываться, но только взгляд у него вдруг помертвел, он схватился рукой за сердце и, бормоча едва слышно:

– Убили... Господи, убили меня... Всё, отхожу... – упал на стоявшую у стены скамью.

Небрат с таксистом озадаченно переглянулись.

– Комедию ломает, – не очень уверенно произнес детектив.

– Что ж, смейтесь... Смейтесь, если для вас это комедия... – пожалуй, и вправду несколько мелодраматически простонал старик. – Смейтесь, если человеческая смерть для вас достойна лишь смеха!..

– Может, вам валидол? – спросил Еремеев. – Или неотложку вызвать?

– Да я сам отвезу, – вызвался таксист. Он тронул старика за плечо: – Давай отнесу в машину, папаша.

Шмаков, однако, взвизгнул:

– Не смейте прикасаться ко мне! Уйдите, оставьте меня! Никуда я с вами не поеду!.. Палачи!.. Убили, убили, Господи!.. – И жалобно взмолился, обращаясь к Еремееву: – Умоляю вас, умоляю – избавьте меня от этих палачей!..

– Дешевая самодеятельность, – буркнул Небрат. – Скоморошествует – видно же! Давай-ка, Володя, бери его в охапку.

Еремеев не выдержал.

– Прекратить! – заорал он на детектива. – А ну вон отсюда!.. Я отказываюсь от ваших услуг! Я вас увольняю, поняли вы?! Вон!

– Увольняете? – поджал губы Небрат. – Что ж, на здоровье! Отлично! Полное ваше право... Однако вы это можете сделать только через агентство «Виктория», контракт находится там. И куда он официально не расторгнут, вы не можете... Кроме того, – он кивнул на лежащего старика, – мой гражданский долг оказать помощь человеку.

– Да не нуждается, не нуждается он в вашей помощи! – От гнева Еремеев даже сорвался на фальцет. – Ясно вам, не нуждается!.. Он тут хозяин – и он вас гонит прочь!.. – Обратился к Шмакову: – Верно я, Иван Арсентьевич, говорю?

Старик ничего не ответил, теперь он закатил глаза и только дышал тяжело – похоже, все-таки и вправду был плох. Может, и зря встретал Еремеев? Пускай бы в самом деле отвезли в больницу, а то, глядишь, эдак и до беды недалеко.

Конопатый малец, до сих пор сидевший смирно, вдруг подскочил к старику и занял жалостливо:

– Деда, деда, не умирай, деда!..

– Да не умирает он, не умирает, – сказал Небрат и оттеснил ноющего мальчика, чтобы пощупать у старика пульс.

– Впрочем, ладно, ладно, – пробормотал старик. – Пускай везут...

Теперь и сыщик, и таксист стояли спиной к пацану и к Еремееву, и тут Еремеев почувствовал, как рука маленького недоумка прикоснулась к его ладони, и вдруг почувствовал, что мальчишка пытается что-то вложить в нее.

Это был какой-то обрывок бумаги. Еремеев машинально сжал ладонь и внимательно посмотрел на пацана. К его удивлению, взгляд у того теперь был вполне осмысленный. Незаметно для остальных малец приложил палец к губам.

Пользуясь тем, что, кроме мальчугана, никто на него в эту минуту не смотрит, Еремеев раскрыл ладонь и прочел записку, написанную старательным детским почерком:

Г-н Еремеев.

Вас пригласил сюда вовсе не антиквар Шмаков, а я.

Нам с Вами необходимо переговорить наедине. Полагаю, именно для этого Шмаков сейчас и разыгрывает спектакль, так что за здоровье его не беспокойтесь.

Не мешайте им его увезти, постарайтесь только, пожалуйста, сделать так, чтобы вместе с ним убрались и они оба.

В эту секунду Небрат обернулся, и Еремеев мигом спрятал записку в карман.

– Видите, он и сам согласен в больницу, – сказал детектив. – А вы хотели, чтобы мы человека оставили без помощи!

Еремеев вздохнул:

– Ну что ж, если он, по-вашему, совсем уже... – Вздох, кажется, получился довольно-таки правдивый.

– Да хрен его разберет, совсем он или не совсем, – отозвался таксист Володя. – Все-таки лучше правда его в больницу, от греха... – Он взял старика на руки: – Давай-ка прокатимся, дедуля.

– Старика отвезешь – и возвращайся, – напутствовал его Небрат. Сам он явно не собирался покидать лавку древностей. – Иди машину дедуле своему открой, – бросил он мальцу.

Тот, однако, посмотрел на него взглядом совершенно уж идиотическим и, не подумав стронуться с места, залопотал:

– Дедуля на машинке, дедуля – би-би!

Детектив выразительно посмотрел на Еремеева, но командовать им все-таки не решился и, в сердцах сплюнув, сам пошел открывать машину.

Едва он и Володя со стариком Шмаковым, которого таксист довольно трогательно держал на руках, покинули лавку, Еремеев немедленно захлопнул железную дверь и запер ее на два крепких засова. Небрат мгновенно понял, что его провели и забарабанил сначала в дверь, потом в окно:

– Дмитрий Вадимович, извольте открыть!..

За ним внимательно наблюдал нищий, причем Еремеев отметил, что нищий уже не тот, одноногий, а другой, без обеих ног. Оставалось лишь диву даваться, чем так уж приманивала нищих эта Щитораспределительная улица.

Было, однако, не до того, чтобы размышлять на эту тему. Сыщик продолжал стучать в окно:

– Откройте, хватит дурачиться!

Вместо ответа Еремеев опустил на окнах жалюзи.

– Как думаешь, окно не разобьет? – обернулся он к мальчишке.

– Вряд ли, не такой он дурак, – сказал малец. – Небось видел, что на окнах система сигнализации. – И добавил: – Простите, вам придется минутку подождать. – С этими словами он отошел к умывальнику, расположенному на задней стене комнаты, и старательно стал мыть лицо.

Когда он закончил с этой процедурой и обернулся к Еремееву, мазня веснушек исчезла, лицо его неожиданно обрело совсем иные черты и оказалось весьма красивым, а глаза были не по-детски умны. И еще Еремееву теперь показалось, что он откуда-то знает мальчика, где-то видел его, причем совсем недавно, но вот где – не удавалось вспомнить никак.

– Так оно, по-моему, лучше, не правда ли? – улыбнулся мальчик.

– Куда уж! – только и проговорил Еремеев. («Глаза! – подумал он. – Какие странные, совсем не мальчишеские у него глаза!»)

– А как вам маскировочка под идиота?

– Вполне убедительная, – не мог не признать Еремеев. – Понять бы еще – зачем.

– На всякий случай. Подстраховка, – сказал мальчик. – К кому реже всего приглядываются? К больным, к нищим и к идиотам. Срабатывает естественное чувство стыдливости.

– А зачем тебе вообще понадобилось маскироваться?

– Это уже особый разговор, – ответил тот. – И давайте-ка лучше продолжим его в другом месте, а то этот тип, по-моему, сейчас у окна подслушивает. Идите за мной, – и он открыл какую-то неприметную дверь.

Что-то все-таки странное было в его лице, но Еремеев все еще не мог понять, что?

Он последовал за мальчишкой. Дверь вела в подвал. Спускаться пришлось по темной лестнице с низкими сводами, так что надо было идти пригнувшись.

Когда спустились, мальчик щелкнул выключателем, и Еремеев увидел, что подвальное помещение представляет собой просторную залу, обставленную вполне современной мебелью, на письменном столе стоял новейшего образца компьютер, на стеллажах вдоль стен располагалась целая библиотека из хорошо подобранных книг. К чести своей, Еремеев неожиданно обнаружил там и две книги своего собственного сочинения, одну из них со своим последним романом он произвольно взял с полки.

– Я как раз недавно прочел, – сказал мальчик. – С точки зрения языка, по-моему, очень даже неплохо. Композиция тоже более или менее. Развитие фабулы... – Он слегка поморщился. – В этом смысле средненько. Но в общем я оцениваю вас вполне прилично – примерно в сто семьдесят пять.

– Это что значит? – не понял Еремеев.

– Я имею в виду ваш «ай кью», коэффициент интеллекта, – пояснил мальчик. – Я всегда пытаюсь оценить «ай кью» автора прочитанной книги и редко ошибаюсь. С американцами-то просто – они все знают свой «ай кью» и не стесняются его назвать. Я двоим писал письма, и

они мне ответили. Оказалось, в обоих случаях я ошибся всего на единичку. Хотите, и на вас проверим? Дело недолгое.

Нельзя сказать чтобы Еремееву впрямь этого очень уж хотелось – была опасность на проверку оказаться глупее, чем его считали окружающие, а перед этим мальчишкой почему-то в особенности не хотелось выглядеть придурком, к тому же не терпелось поскорей узнать, для чего все-таки его сюда позвали, – однако он ответил:

– Ну если недолго...

– Ровно десять минут, – сказал мальчик и включил компьютер. – Усовершенствованные тесты моего собственного изобретения. Сейчас я буду задавать вопросы, а вы должны быстро на них отвечать. Тут дело как раз в скорости ответов. Что, начали?

Вопросы оказались в общем-то нетрудными, надо было составлять фразы из заданных слов, дополнять ряды недостающими числами, угадывать, какая из фигур на экране лишняя, решать незамысловатые логические задачки, но вопросы эти следовали один за другим с такой быстротой, что несколько раз Еремеев сбивался.

– Всё, – сказал наконец мальчик. – Десять минут. Итак, что мы имеем в итоге? – Он нажал на клавишу и сообщил, довольный: – А в итоге мы имеем почти в точности то, что я и предрекал: сто семьдесят шесть!

– И что это означает? – поинтересовался Еремеев.

– Несколько выше среднего. У Эйнштейна, скажем, было двести два.

– Ну, то же у Эйнштейна... – развел руками Еремеев.

– Кстати, двести два еще не предел, – прибавил мальчишка. – В последнее издание книги рекордов Гиннеса был занесен десятилетний школьник из Нигерии – у него «ай кью» двести восемь.

Еремеев поинтересовался:

– А у тебя какой?

Мальчик едва заметно улыбнулся.

– Лучше-ка я не буду отвечать. – По этой улыбке Еремеев сделал для себя вывод, что тот юный нигериец тоже, вероятно, еще не предел по сравнению с его собеседником. – Во всяком случае, – добавил тот, – сто семьдесят шесть тоже относительно неплохо. Это означает, что с вами можно вести разговор где-то третьего уровня сложности.

– А первый, например, уровень сложности на кого рассчитан? – спросил Еремеев. – И какие еще бывают уровни? – Таким образом он хотел прояснить свое место на интеллектуальной лестнице.

– Ну о первом уровне не стоит и говорить, – ответил всезнайка-мальчуган, – на нем общаются разве только на митингах, на стадионах и в школах для умственно недоразвитых. Второй – это уровень, который обычно используют политики, включая президентов, всякие там вожди племен и прочие своекорыстные демагоги. Собственно, третий уровень – это начальный, при котором предполагается способность собеседника к абстрактному мышлению и его некоторая свобода от общепринятых догм. На четвертом добавляется умение делать парадоксальные выводы. Лишь на пятом уровне возможен разговор об истинной сути вещей. Что же касается шестого, то, боюсь, тут на быденном языке и слова трудно подобрать для объяснения, да и собеседников, находящихся на этом уровне, я как-то до сих пор не встречал.

Еремеев, таким образом, находился где-то посередке. Даже на ступеньку повыше президентов, что было, пожалуй, вполне сносно.

– Хорошо, – сказал он, – в таком случае, не выходя за мой средненький третий уровень, объяснишь, быть может, наконец, зачем тебе понадобилось нынче маскироваться?

– Странный вопрос, – пожал плечами мальчик. – Разумеется, затем, чтобы меня не обнаружили, зачем же еще? Нетрудно было просчитать наиболее вероятные варианты, не так уж их и много, а среди них имелся и тот вариант, что вы сюда явитесь не один. А уж когда в поле

зрения попало такси, ждущее вас на улице, тут сразу все стало ясно: вас – уж простите великодушно за некоторый вульгаризм – «пасут».

– Ладно... А от кого ты вообще прячешься? Если тебе что-то угрожает – может быть, я помогу?..

Однако мальчик его перебил:

– Знаете, боюсь, так мы с вами слишком далеко можем уйти в нашем разговоре. Позвольте мне свои проблемы решать самостоятельно. В действительности вас ведь, я полагаю, интересует не столько моя персона, сколько... совсем иная...

– Ирина!.. – выдохнул Еремеев. – Ты что-то знаешь о ней?

– Не больше того, что вы сейчас сказали, то есть того, что ее зовут Ирина, – ответил тот. – Но то, что некоторая персона вас действительно интересует и что она, по всей вероятности, исчезла, догадаться было, поверьте, не так уж тяжело.

Еремеев поинтересовался:

– И каким же образом?

– Самым элементарным. Я отсюда, – он указал на компьютер, – прослеживаю, кто проявляет интерес к сайту «Исчезновения». Ну а уж потом вычислить вас и выйти с вами на связь было делом вовсе пустяковым.

– Так сайт создал ты?

– Начал я. Но кто-то его постоянно пополняет, а вот кт? – мне пока не удалось выяснить.

– Но если начал все-таки ты, позволь тогда спросить – зачем?

– Это особый разговор... – сказал он. – А у вас я вижу недавние царапины на лице. Могу предположить, что они появились неспроста.

– Да, – кивнул Еремеев, – в меня сегодня стреляли. То есть, – поправился, – не в меня, а в монитор моего компьютера. Кстати, выстрел произошел в тот самый момент, когда на экране появилось твое приглашение.

– Да, круто получилось, – нисколько не удивившись, произнес мальчик. И тут же прибавил: – Вы уж простите за словечко – нечаянно сорвалось. Право, ненавижу жаргонные словечки, но когда маскируешься, они сами прилипают к языку...

– Да уж куда как к р у т о! – согласился Еремеев. – А ты себе представляешь, кто бы это мог быть?

– Весьма смутно, – проговорил вундеркинд. – Может, Вольный Охотник... Впрочем, кто знает...

Еремеев вспомнил, что нынче Небрат уже произносил это прозвище.

– И что это за Охотник такой? – спросил он.

Мальчик ответил нехотя:

– Не знаю, не знаю... Многие считают, что это всего лишь легенда, существующий на «Ковчеге» фольклор... Не придавайте большого значения.

– А что еще за «Ковчег» такой? – вконец перестал что-либо понимать Еремеев. – Он имеет какое-то отношение ко всем этим исчезновениям?

– Самое непосредственное... Но прежде надо бы уточнить само слово «исчезновения». Я бы сказал, в нашем случае это не вполне корректное понятие ввиду своей инверсионности.

Еремееву показалось, что его попросту дурачат.

– То есть? – спросил он.

– Простите, – сказал мальчик, – я, кажется, нечаянно перескочил на четвертый уровень. Но раз уж слово произнесено, то придется объяснить. Исчезнувшими вы, очевидно, называете тех, кого по тем или иным причинам не в силах лицезреть, не так ли?

– Ну, в общем-то... – проговорил Еремеев, хотя ему отнюдь не казалось, что это требует столь мудреного определения.

– Вот! – кивнул мальчик. – Но ведь и они точно так же, согласитесь, не в силах созерцать вас! Это означает, что вы для них – в такой же степени исчезнувший. Обычная инверсия. Так кого же в таком случае следует считать в действительности исчезнувшим, вас или упомянутую вами Ирину?

Еремеев подумал, что, видимо, четвертый уровень вправду оказался высоковат для него.

– Но ведь меня всегда можно найти, – не нашел он более веского аргумента.

– Здесь?.. – мальчик окинул взглядом подвальную залу. – Сомнительно.

Еремеев вспомнил заодно и затерявшуюся в просторах Москвы эту самую Щитораспределительную улицу, находившуюся снаружи, и впрямь почувствовал самого себя исчезнувшим из привычного окружающего мира.

– Но хотя бы скажи – ее похитили? – спросил он.

– Или напротив – помогли ей избежать похищения, – задумчиво проговорил вундеркинд.

– По-моему, – начал уже злиться Еремеев, – ты снова перепутал уровни и хочешь, чтобы я взобрался выше, чем позволяют мне мои сирые мозги. Как-нибудь поясни, будь любезен.

Мальчик вздохнул:

– Хорошо, попробую. Придется сделать это на одном примере. Представьте себе: жил некто на свете, с детства чувствующий, что очень сильно отличается от остальных. Предположим, обладал «ай кью» равным двумстам пятнадцати или даже двумстам восемнадцати. И был этот некто все время задумчив, ибо его интересовала истина, глубинная природа вещей... У этого «некта» были родители, души в нем не чаявшие и, разумеется, как все родители, желавшие ему лишь добра. Но только это добро они понимали очень уж по-своему – чтобы их отпрыск был как все: играл в компьютерные игры, посещал дурацкие дискотеки, для их и своего спокойствия не замечал невежества учителей. А вершиной блага по нынешним временам они считали карьеру финансиста, ну и, соответственно, поступление сперва в экономический колледж, затем в финансовую академию... И вот теперь скажите – разве это не они пытались похитить свое чадо из того мира, в котором лежало его истинное предназначение? В том-то и дело, что именно они! А тот, кто помог их чаду исчезнуть... разве в действительности не он помог ей не быть похищенной?!..

...Ей?!.. Боже! Ну конечно же! Наконец-то Еремеев узнал е!

Так вот почему таким странным казалось ему, Еремееву, это лицо! По сравнению с той, давней, видимо, фотографией, девушка, правда, сильно похудела, и прическа была совсем другая, мальчишеская, но ошибки быть не могло, это была, безусловно, она, та самая девушка из сайта «Исчезновения», при загадочных обстоятельствах пропавшая в лесу. И даже несмотря на это мальчишеское облачение и прическу, прехорошенькая, ей-Богу, девушка, с удивительно умными серыми глазами и утонченными чертами лица!

– Тебя же Нина зовут! – воскликнул он. – Ты ведь та самая Нина Кшистова!

– Узнали все-таки... – улыбнулся вундеркинд, или как его (ее) теперь называть. – А еще спрашивали, для чего мне нужна была маскировка!

– Но как же ты все-таки там, в лесу, исчез?.. Исчезла?.. – придя в себя, спросил Еремеев. – Клянусь, я никому не скажу.

– Позвольте мне все же до поры до времени оставить это при себе, – твердо сказала девушка. – Да и вообще речь ведь шла не обо мне. Вы, помнится, спрашивали, не была ли похищена некая Ирина, а я всего лишь привела пример того, что настоящих похитителей иногда следует искать в другом месте.

– Ты утверждаешь, что это я был ее настоящим похитителем?

– Для того, чтобы это утверждать, мне не хватает информации, – ответила Нина. – Я всего лишь предполагаю, что именно так оно могло быть. Возможно, она мечтала жить совсем, совсем иной жизнью, нежели та, которой она живет?

«И, возможно, совсем, совсем с другим человеком, нежели я...» – мысленно добавил он про себя. Он вспомнил, как они с ней жили в последний год, и подумал, что, пожалуй, именно так оно и было.

– Я права? – спросила девушка.

Как раз такой вопрос нынче задавал ему и Небрат. Похоже, детектив до чего-то эдакого впрямь докопался. Еремееву стало даже чуть неловко, что сперва хотел расторгнуть с ним контракт, а затем оставил его плясать у запертых дверей.

– Да, – кивнул он, – она чувствовала, что рождена быть... Ну, в общем, другой. Вначале считала, что ее истинное призвание – быть гадалкой...

– А вы ей мешали?

– Да нет, пожалуй. Просто иногда позволял себе над этим слегка подтрунивать.

– Вы сказали, что это было поначалу, – напомнила Нина. – А потом?

– Незадолго до исчезновения вообразила себя жрицей вавилонской богини Иштар.

– Это те, которые занимались?.. – Девушка проявила большую деликатность, чем давеча

Небрат, и не стала заканчивать фразу.

Еремеев добавил:

– Она даже придумала себе имя, хотела называться Ина-Эсагиларамат.

– Что означает «Любимая в храме Эсагила», – так же легко, как тогда Небрат, перевела Нина с вавилонского, но услышанное из ее уст, Еремеева это удивило гораздо меньше. – Что ж, – сказала она, – какая-никакая – а информация. Значит, Ина-Эсагиларамат?.. – С этими словами она тут же стала что-то набирать на клавиатуре.

И вдруг Еремеев увидел на экране компьютера Ирину. В том самом одеянии, которое он когда-то назвал сарафаном, она шла по какому-то длинному коридору без дверей. Взгляд у нее был поначалу отрешенный, словно она находилась в состоянии транса. Но потом она взглянула...

Боже, она взглянула прямо на Еремеева! Неужели в эту минуту она видела его?

– Ира! – воскликнул он.

Показалось, она услышала. Во всяком случае, вздрогнула, безусловно.

– Звук! Дай звук! – крикнул Нине Кшистовой Еремеев.

Однако вместо того, чтобы прибавить звук, та вдруг произнесла:

– Проклятье! Я его недооценивала! Хуже нет, чем недооценивать противника. – И с этими словами выключила компьютер.

Ирина исчезла, как искра, промелькнувшая и тут же растаявшая в воздухе.

Еремеев схватил Нину за руку:

– Что ты сделала?! Зачем?!

– Господи, да посмотрите же вон туда! – воскликнула она.

Еремеев увидел чуть поодаль еще один небольшой, черно-белый экранчик. На этом экранчике было видно, что сыщик Небрат как-то все же проник в антикварную лавку и теперь ковыряется отмычкой в двери, ведущей в подвал.

– Сейчас он будет здесь... – проговорила девушка. – Интересно, понял он, что попал в телекамеру?.. Да, кажется, понял... – И добавила, сощурившись: – Ничего, сейчас будет ему сюрпризик...

Теперь детектива не было видно, зато слышались его шаги по лестнице. Еще несколько секунд – и он появился в подвальной зале.

– Ниночка Кшистова! Ведь это ты, коли я не ошибаюсь! – вполне ласково сказал он. – Как же я сразу-то не догадался?.. Хотя знал ведь, чего от тебя, от эдакой можно ожидать...

– Боюсь, не до конца знали, – спокойно отозвалась девушка.

И тут вдруг лицо сыщика начала застилать какая-то рябь, а сам он, схватившись за воротник, стал бессильно оседать на пол.

Потом – только эта рябь, больше Еремеев не видел уже ничего.

– Ах ты паршивка!.. – слабо прорвался сквозь эту рябь голос сыщика.

– Что, взяли?! – еще слабее пробился торжествующий голос Нины.

Своего собственного голоса, кажется произносившего: «Ира!.. Ирина!..» – Еремеев почти вовсе не услышал. Вместе с голосом своим он и сам растворялся в этой ряби, проваливался в небытие. И только для паскудных д?хов эта рябь не была помехой.

– Она принадлежит Эсагиле!..

– Ему одному!..

– Никому больше!..

– Эсагила ее ни за что не отдаст!.. – перекликались они между собой.

III

Без названия

Друг мой, таково

тому сну толкование...

Из древневавилонской поэмы «О все видевшем» со слов

Син-леке-уннинни, заклинателя (Таблица IX)

Из телевизионной передачи «Неизвестное»

– ... И в связи с этим мы пригласили на нашу передачу кандидата физико-математических наук Георгия Мефодиевича Беспалова. Скажите, Георгий Мефодиевич, давно ли вы начали заниматься феноменом исчезновения людей?

– Несколько месяцев назад, после того, как у моего близкого друга, известного писателя Еремеева, при загадочных обстоятельствах исчезла жена.

– Подобные случаи далеко не единичны.

– Безусловно. Однако большинство из них можно объяснить хоть и печальными, но вполне понятными причинами. Иногда людей похищают с целью выкупа, иногда не возвращаются домой люди, вдруг потерявшие память. Убийства в нашей стране, увы, тоже случаются, и не всегда удается отыскать тела. Но меня заинтересовали случаи совсем другого рода – когда человек исчезает практически у всех на виду. Лишь на какую-нибудь минуту-другую он пропал из поля зрения окружающих – и все, его уже нет! Подобных случаев с тех пор, как я занимаюсь этой темой, мне известно уже более двух десятков.

– Например, нашумевший случай с Борей Николайчуком?

– Да, например. Сюда же, конечно, следует отнести и исчезновение девушки Нины Кшистовой, и банкира Палисадникова, и учителя Сидорихина, и доцента-филолога из Калининграда Анатолия Варфоломеева. Вот у меня описание еще нескольких случаев именно такого рода. Скажем, профессор Вайнштейн Иосиф Аронович в семь часов утра вышел прогуляться со своей собакой породы кавказская овчарка...

– Неслабая собачка!

– Да уж! К тому же обученная не давать хозяина в обиду. Совсем ненадолго они скрылись за углом дома. Три минуты спустя пес примчался домой один, волоча за собой поводок. Предпринятые поиски хозяина не дали никаких результатов... Или вот, скажем. Штурман пассажирского авиалайнера во время полета вышел из кабины в салон. Больше он в кабину не возвращался и вообще его больше не видел никто никогда... Или вот. Советник администрации президента сидел в своем рабочем кабинете, находящемся на одиннадцатом этаже. Секретарша принесла ему чай. Когда через полчаса она снова вошла в кабинет, перед входом в который все это время сидела неотлучно, стакан был пуст, а в кабинете уже никого не было.

- Как я догадываюсь, поиски снова оказались безрезультатными.
- Вполне правильно догадываетесь.
- Позвольте, но о последнем случае, сколь мне известно, нигде не писали.
- Да, я узнал не из печати.
- И что же это за советник администрации?
- Это не имеет столь уж принципиального значения, но, коли хотите, его фамилия...

.....

П-ш-ш-ш-ш...

ТИТР:

УВАЖАЕМЫЕ ТЕЛЕЗРИТЕЛИ,
ПРИНОСИМ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ПОМЕХИ В ЭФИРЕ

.....

- ... Но вы как физик имеете какие-нибудь предположения насчет всего этого?
- Да, некоторые. Иначе мне было бы незачем приходить на вашу передачу. Если рассматривать все подобные случаи в целом, то, как и в случае с советником администрации президента Са...

.....

П-ш-ш-ш-ш...

ТОТ ЖЕ ТИТР

.....

- ... Простите, Георгий Мефодиевич, мне тут сейчас показывают, что у нас были какие-то неполадки. Боюсь, что наши зрители так и не сумели услышать ваши, право, интереснейшие предположения.
- В таком случае, возможно, мне стоит кое-что вкратце повторить?
- Ах, нет, вон мне, я смотрю, уже машут, что наше время в эфире подошло к концу... Обращаюсь к тем, кто смотрел эту передачу. Если вас заинтересовало то, о чем мы говорили, вы можете обращаться к нам по телефонам...

Ведущего перебивает реклама
стирального порошка «Тайд»

По телефону

- Капитан ФАПСИ Петров! Слушаю!
- Что происходит, капитан Петров? Телевизор, надеюсь, смотришь?
- Так точно!
- Откуда утечка насчет исчезновения советника администрации?
- Никак не могу знать, товарищ генерал! Не наша епархия, пускай ФСБ занимается.
- А то, что в эфир прорвалось – тоже не наша?
- Никак нет, наша... Дык мы же пшикалку вовремя включили, фамилию советника Самаритянинова никто не услышал.
- Ну а сам факт, что прорвалось? Какие-нибудь меры приняты, чтобы не повторилось?
- Так точно! Составлен план из девятнадцати пунктов. Зачитать?
- Отставить. На оперативке доложишь.
- Генерал положил трубку и подумал: «Этот, пожалуй, больше не оплошает. Службист! Наша-то епархия со своей задачей справится, а вот соседи из ФСБ... Интересно, додумались уже – к а к эти все исчезают? Что-то не слышать...

Однако ж не слышать, чтобы и сверху на них особо нажимали. Вроде бы там, наверху, суесться должны – как-никак советник администрации пропал, это вам, чай, не хухры-мухры; а тут – олимпийское просто спокойствие. Нет, братцы, право, странное что-то творится в датском королевстве!»

Служебная записка
(Сов. секретно)

Выражаю свою крайнюю обеспокоенность исчезновением Нины Кшистовой – теперь уже от нас. В случае наступления часа «X» и начала операции «Ковчег» совершенно необходимо ее присутствие. При учете уже затраченных на подготовку операции сотен миллиардов, вдвойне досаден чей-то недосмотр, позволивший ей ускользнуть. Сейчас следует сосредоточить все усилия на ее поисках, при этом ни на миг не забывая о том, с интеллектом какой мощности мы все-таки имеем дело.

Напоминаю так же, что для окончания строительства объекта № 5, последнего из комплекса «Ковчег», недостает еще \$8 млрд., и это ставит под угрозу срыва весь план. Осознаю, что бюджет и так не выдерживает наших трат, посему предлагаю оказать давление на Л., дабы он, в свою очередь, сподобил раскошелиться столичных олигархов, как они когда-то раскошались на строительство храма, у него это хорошо получается. Тут реально оценить возможности каждого из олигархов поможет, полагаю, находящийся у нас банкир Палисадников.

Добавлю также, что немалую озабоченность вызывают участившиеся слухи об этом Вальном Охотнике. Если он реально существует, необходимо срочно выяснить, какие силы могут за ним стоять. То, что мы до сих пор не имеем ответа на этот вопрос, по-моему, свидетельствует о крайне неудовлетворительной работе наших спецслужб.

Последнее особенно очевидно в связи с нынешней телевизионной передачей. Надеюсь, в дальнейшем мы сможем заблаговременно пресекать подобные чреватые последствиями недоумения.

Советник
администрации президента
Самаритянинов

В редакции газеты «Курьер»

– Статью Гусарова втиснули?

– Втиснули, Пал Николаич. Из-за этого весь номер переверстывать пришлось. Ну да ничего! Зато завтра уж будет им пуля!

– Где он только такое раскапывает?

– Нюх у него. Плюс, конечно, свои источники. Знает, в каких кругах вращаться. Ну и по женской тоже линии, не без того. Еще – всякие нищие, бомжи, с ними он тоже якшается. В общем, вроде Гиляровского: журналюга милостью Божьей!

– Ну-ка, поглядим... «До сих пор было известно, что деньги обладают лишь одним из двух свойств: либо их нет, либо их не хватает, но общий закон сохранения денежной массы оставался так же неизменным, как открытый Ломоносовым закон сохранения вещества. Однако с переходом в двадцать первый век наши алхимики от правительства, кажется, что-то все-таки подправили в этом законе...» Молодец, лихо начал!

– Золотое перо!

– «...И долго еще будут многие удивляться – как же дематериализовались десятки миллиардов газонефтедолларов, которые за последние полтора года...» Все же, по-моему, начало чуть затянуто...

– Тут главное – сам факт. Это ж надо было такое раскопать!

– Г-м... «...строимые за Уралом циклопические сооружения, на фоне которых меркнут все подобные сооружения прошлого, от пирамиды Хеопса и Великой китайской стены до Беломорканала. “Ковчег” называется весь этот умопомрачительный проект. На предмет какого же потопа создается сей ковчег?..» Как-то больно уж... Не боишься, что он «утку» запустил?

– Гусаров-то? Не-е, не такой человек.

– М-да... «...в стране, где более трех четвертей населения все еще живет за чертой бедности, где сама жизнь давно уже не является предметом первой необходимости, столь бессмысленное закапывание денег чревато в любой момент обернуться...» Ну это уж он в демагогию вдарился...

– Черт, это еще что?..

– Вы о чем?

– В окно посмотрите – вон, в масках, с автоматами... По чью, интересно, душу?

– Господи, да это ж к нам, никак!..

.....

– Налоговая полиция! Всем стоять лицом к стене!

– Да в чем, собственно?..

– Сказано: стоять!

– Ребята, компьютеры-то при чем?.. У-у-й!.. Ты что ж, паскудник, делаешь?!..

– Не хочешь стоять – будешь лежать!

– У-у-й!.. По почкам-то, ирод, не бей!..

– Это тебе за «паскудника»!.. А вот это тебе – за «ирода»!

– Уй-уй-уй!..

.....

– Живы, Пал Николаич?

– Лучше б окочурился... Что там?

– Полный разгром. Звери! Верстка пропала, компьютеры вынесли, за месяц не оправимся. А Гусарова с травмой черепа «скорая» увезла... Дайте-ка помогу вам с пола-то подняться.

– Уй!.. Погоди, малость еще полежу...

Дорогая Софочка!

Тут совсем недавно я получил предложение...

(Несколько слов густо вымарано.)

...К сожалению, я не имею права об этом тебе писать, такое с самого начала было поставлено условие. Но не считай, пожалуйста... (Неразборчиво.) ...изменой с моей стороны.

Трудно все это объяснить, но уж поверь мне – существуют такие силы, которые...

(Вымарано еще несколько строк.)

...но если это произойдет, то знай – я все-таки решился...

В отделении милиции

– ...«Решился»... А дальше что?

– Все, товарищ... господин подполковник. На этом записка обрывается.

– Ну а все-таки... Все-таки – на что же это такое ваш супруг р е ш и л с я?.. Запомню, как его фамилия...

– Одоевский! Одоевский Викентий Сергеевич. Врач-эндокринолог.

– Да, да, как же, Одоевский!.. Так на что же гражданин Одоевский, по-вашему, решился-то? Может, какие-то догадки?

– Да если б я сама понимала, господин подполковник! Записку эту случайно в столе у него обнаружила, уже после того, как он исчез.

– Успокойтесь вы, гражданка Одоевская! Тут уже рассказывали, наверно, вам, как оно в жизни-то бывает?

– Опять вы про этого деда в Сызрани! Но я же чувствую – тут совсем другое!

– Ну, «чувствую» – это еще не аргумент. Тот, от которого жена – в Сызрань, тоже, знаете ли, «чувствовал».

– Перестаньте, никогда он мне не изменял! Двадцать четыре года вместе, душа в душу!.. Да и сами обстоятельства...

– М-да, обстоятельства вправду странные. На балкон, говорите, вышел?

– На балкон. В одной пижаме, на пять минут, покурить. И всё, бесследно!

– А балкон-то, я забыл, высоко? Не мог он – через балкон, как-нибудь по-тихому?

– О чем вы говорите! Господи, шестнадцатый же этаж у нас!

– И никакой пожарной лестницы?

– Да ваш лейтенант уже смотрел!.. А записку-то вам эту, может, на всякий случай отдать?

– Давайте. Мы ее – к делу...

.....

– Слышь, Филиппчук, ты у меня случаем в столе нынче не рылся?

– Была нужда!.. А что?

– Да пропала тут бумаженция одна – записка от мужа этой, что приходила.

– Он что, нашелся уже?

– Да нет – с концами. А записка... Ведь точно помню – в стол я ее...

– Может, в другой ящик?

– Во всех уже смотрел. Отсюда только за бутербродом вышел, минут десять всего отсутствовал... Куда ж это я ее мог?.. Пока меня не было, посторонние в отделение не заходили?

– Да только нищий какой-то минут пять в коридоре околачивался, пока Столбов его не шуганул – нам тут еще только вшей не хватало!.. Не-е, вряд ли это он. Может, ты все-таки на столе оставил – и ветром сдуло? На полу поискать... Важная хоть записка-то?

– Да хрен ее...

– Тогда и не ищи... А вот у меня пропажа... ума не приложу... Целая папенция! Может, здесь?

– Нет, сюда ты точно не заносил.

– Сам знаю, что не заносил, уж так, на всякий случай смотрю.

– А в папенции что?

– Да все эти дела с исчезновениями, туды их в качель!

– Может, оно и к лучшему, что пропала? Дела-то – чистые всяки.

– Это уж точно. Только все равно беспокойно как-то на душе со всеми этими пропажами, точно нечистый рядом колобродит. Сначала люди, теперь вот – документы. А у тебя у самого на душе не скребет?

– М-м... Да как тебе сказать...

Из докладной записки

...В результате всех этих мер возглавляемая мною комиссия пришла к выводу, что значительная часть московской недвижимости скупается скупается через подставных лиц какой-то структурой, настолько осторожной, что выйти на нее, несмотря на все предпринятые усилия, нам так и не удалось. По нашим оценкам, суммы, затраченные этой структурой, сопоставимы с денежным оборотом «Ковчега».

Особое недоумение вызывают подставные лица, через которых осуществлялись приобретения. До самого недавнего времени все они были профессиональными нищими и прочими деклассированными...

.....

– Председатель комиссии Кукуев – это вы, что ли, будете?

– А кто вы, собственно, такие? И каким образом сюда вошли?

«И выглядят мерзопакостно! Одеты в какие-то обноски! А запах, запах!..»

– Вопросы тут, Кукуев, задаем мы! И вот вопрос: твоя это писанина?

– Да по какому праву?! И почему на «ты»?!..

– Не жми, не жми кнопку, Кукуев, не работает она, все обесточено. И охранников твоих внизу нету.

– И... И где ж они?

– Где-где! В Караганде!

– В Казахстане, что ли?

– Гляди, не понял еще!

– Ничего, щас поймет.

«Что за тряпка в руке у этого омерзительного типа?! Почему приближается с этой тряпкой?!.. А другой сзади заходит!..»

– Не подходите ко мне!.. Да что ж вы де...

По телефону

– Что с поисками пропавшего Кукуева?

– Ищем!

– Уже три дня ищете, а результатов – ни шиша.

– Так ведь концов никаких. И охранники, и секретарша – все пропали.

– Пропали – а ты ищи. Тебе «Ковчег» доверился! Оправдывай! Даю сроку еще три дня.

– Есть!

«А как тут оправдаешь, когда – ну ни одной зацепочки! Ох-ох-ох, что творится-то на свете!..»

В институте

– Сашок, ты Беспалова не видел?

– Гоню-то? По телеку только. Он же у нас теперь телезвезда, в институт уже второй день носа не кажет.

– Гм, странно... Зашли мы с ним вчера, понимаешь, в пивбар...

– Жалко, кстати, что сбой у них был в эфире. У него идея насчет этих исчезновений...

На днях мне излагал – любопытно фантазирует, я тебе скажу.

– Небось, море Дирака и нуль-транспортировки приплел? Или провалы во времени?

– Нет, со всем этим он пару месяцев назад носился, а теперь у него уже, вишь, другое: это, мол, торсионные поля шалят, кручение, понимаешь, материи, ну и в связи с этим всякие парадоксы физического вакуума. Какие-то там духи-элементали – он их напрямую к теории суперструн привязал.

– Ну эдак-то нагородить любой может. Бред недоопохмелившегося теоретика. Кстати, в суперструнах он смыслит, как мой хомяк Вахрюпсий в квантовой электродинамике. В жизни он ими сколько-нибудь всерьез не занимался. Так, на уровне «Техники молодежи».

– Ладно, для телепередачи, пожалуй, сошло бы, наш пипл и не такое схавает... Да, так что там у вас там, говоришь, в пивбаре?

– Да то-то и оно: пропал! Я только на минутку отошел креветочек взять; возвращаюсь – нет его. А пива две кружки стоят нетронутые...

– Что, так и не вернулся?

– Говорю ж, пропал! Как корова языком! И домашний телефон не отвечает.

– Может, в милицию загребли?

– Да не было там, в баре, никакой милиции!

– Или у девахи какой-нибудь. Парень-то холостой.

– Ага, как же! А пиво оставил за просто так! Щас! Гоню ты не знаешь?

– М-да, на него не похоже.

– Вот и я говорю!.. Ох, братцы, беспокойно у меня как-то на душе...

Координатору штаба
операции «Ковчег»
г-ну Самаритянинову
(Секретно)

...также сообщить Вам, что эвакуированный накануне физик Беспалов ввиду своего сильно пьяного состояния всю ночь буйствовал, требуя пива. Чтобы он прекратил бесчинство и не всполошил весь объект, пришлось купить для него пиво «Солодов» (4 бутылки), затратив из наличных средств операции «Ковчег» 68 (шестьдесят восемь) рублей 80 копеек. После употребления пива названный Беспалов уснул и более никого не тревожил.

Врач-эндокринолог Одоевский, оказавшийся в одной пижаме, требовал одеть его в соответствии с приличиями. На приобретение необходимой одежды (брюки отеч. производства, рубашка произв. Италия, пуловер отеч. произв., носки отеч. произв., полуботинки произв. Беларусь) истрачено в общей сложности 4560 (четыре тыс. пятьсот шестьдесят) рублей 50 копеек.

Профессор Вайнштейн жалуется на повысившуюся вследствие грибкового заболевания потливость ног (что сущая правда и создает тягостную атмосферу в его спальне), а также на перхоть в голове. В связи с этим из тех же наличных средств куплено:

– противогрибковая мазь на сумму 86 руб. 00 коп.;

– противоперхотный отеч. шампунь на сумму 165 руб. 00 коп.;

– по требованию того же Вайнштейна выпуск газеты «Московские новости» (8 руб. 00 коп.).

Итого расходы на проф. Вайнштейна составили сумму 159 (сто пятьдесят девять) рублей 00 копеек.

Таким образом, в целом расход наличных средств за одни сутки составил 4888 руб. 30 коп., что на 288 руб. 30 коп. превосходит сметную норму.

Во избежание повторения в дальнейшем подобных перерасходов прошу Вас указать бригаде, производящей эвакуацию, дабы впредь эвакуированные доставлялись на базу по возможности трезвыми одетыми и здоровыми.

Особого рода беспокойство вызывает внезапная пропажа Кукуева и всей его команды. Не кажется ли Вам, что он набрел на какую-то силу, противоборствующую «Ковчегу». Уж не на Вольного ли Охотника ему каким-то образом удалось выйти? Очень похоже на то! Возможно, в том и причина его исчезновения. Во всяком случае, прошу тех, кто ведет его поиски, постоянно держать меня в курсе дела.

Что касается эвакуированной, находящейся у нас под псевдонимом Кассандра, то она по-прежнему тоскует по мужу и в минуты просветления просится назад. Никакие уговоры и внушения психологов не помогают. В связи с этим приходится постоянно увеличивать ей дозу психотропных средств, так что она почти все время находится в помутненном состоянии рассудка.

Поскольку нервная система Кассандры представляет собой совершенно неизученный феномен, то наши специалисты не могут с уверенностью ответить на вопрос, не отразится ли это пагубно на ее предикативных способностях.

Пока ее вещание больше напоминает бред. Иногда она переходит на стихи, ритмичкой, как говорят специалисты, напоминающие «Сказание о Гильгамеше». Возможно, среди этих стихов звучат и те, что оказались на двенадцати недостающих табличках, во всяком случае, имя Утнапишти¹ неоднократно ею упоминалось. Все, что она вещает, мы, со своей стороны, постоянно записываем на магнитофон.

Возможно, чтобы разобраться в записях, Вы сочтете нужным прислать сюда бригаду филологов высокого класса. В любом случае в отношении Кассандры жду Ваших указаний.

Нач. эвакоцентра «Фиалка»
ген.-майор Чужак

...Нет, Эсагила не отдаст меня!.. Я Ина-Эсагиларамат, я любимая в Его храме...

...Но почему они все тут называют меня именем Кассандра? Бедная Кассандра, бедная троянка, откровениям которой никто не верил – такова была кара жестокого и завистливого Аполлона, кара за то, что она превзошла его в искусстве прорицания.

Бедная, бедная Кассандра!..

...Но почему Ты, Эсагила, все время требуешь сказать Тебе, что начертано на каких-то двенадцати глиняных табличках? Неужели Тебе самому, всесильному богу, эти записи почему-то неведомы? Разве не подвластна Тебе мертвая глина, если подвластны Тебе и живые тела?

Простительно было старцу Утнапишти не распознать Тебя, всемогущего бога. Помнишь, как он вопрошал при виде Твоего гнева:

Почему это идола на ладье разбиты,
И плывет на ней не ее хозяин?
И справа гляжу я, и слева гляжу я,
Я гляжу на него – и узнать не могу я,
Я гляжу на него – и понять не могу я,
Я гляжу на него – и не ведаю, кто он...

На тех двенадцати табличках ответ, и уж Ты не можешь не знать его. Я без труда прочла бы Тебе то, что на них, если Ты забыл, но д?хи Твои, заполнившие собою здешний смрадный

воздух, не дают сосредоточить сознание, вздыхают, хихикают, вещают разными голосами – то звонкими, то басистыми, то печальными, то насмешливыми, и нигде, нигде не укрыться от них:

«...Эсагила не отдаст ее!..»

«...Нет, Эсагила не отдаст ее!..»

«...Она принадлежит Ему!..»

«...Ему одному!..»

«...Ему – и никому более!..»

«...Любимая в Его храме...»

...Да, я любимая в храме Эсагила. Я Ина-Эсагиларамат, я бедная Ина-Эсагиларамат...

IV

Среди исчезнувших.

Ловушка для леопардов

В доме, откуда вошедший

никогда не выходит...

«О все видавшем» (Таблица VII)

«...Эсагила не отдаст ее!..»

«...Нет, Эсагила не отдаст ее!..»

«...Она принадлежит ему!..»

«...Ему одному!..»

«...Ему – и никому более!..»

«...Любимая в Его храме...»

«...Любимая в храме Эсагила. Я Ина-Эсагиларамат, я бедная Ина-Эсагиларамат...»

Нина Кшистова... Зачем, зачем она это сделала с ним?..

Кажется, его куда-то волокли под насмешливое щебетание духов. Он был беспомощен и незряч.

Кажется, потом его куда-то везли – может через час, а может, через год. Может быть, сам он уже давно исчез и все это проделывали с каким-то его бестелесным остатком...

...Тело внезапно вернулось, словно откуда-то сверху обрушилось на его бесплотный дух, и своим возвращением вызвало нестерпимую муку. Такая мука могла быть лишь принадлежностью жизни, и только тут он подумал: «Значит, я все-таки жив...»

Изо всех сил придерживая в себе обозначившуюся жизнь, для начала подвинулся на то, что решился открыть глаза. К голове сразу волной прихлынула боль, такая, что, когда она чуть отступила, был даже удивлен, что голова осталась цела, не взорвалась.

– Ну вот, оклемались, – вслед за тем услышал он знакомый голос сыщика. – И при учете вашего давешнего поведения не могу сказать, чтобы я был от этого в неопишемом восторге.

Сейчас Еремеев видел только носки ботинок и манжеты брюк детектива. Наконец сориентировался и понял, что лежит на полу. Небрат, возвышаясь над ним, принялся ему выговаривать, как школьнику:

– Вы хотя бы представляете себе, Дмитрий Вадимович, что вы давеча натворили? Нина Кшистова была уже по сути у меня в руках! Если бы вы обманным путем не выставили меня за дверь, если бы не ушли с ней в подвал, где у нее, оказывается, понатыканы всяческие ловушки, на сей раз она не смогла бы опять исчезнуть и мне не пришлось бы начинать всю работу сызнова. Рад хотя бы, что в ее ловушку попался не я один! Уж не знаю, какой она там газ пустила, но на вас – видимо, по причине изрядного содержания алкоголя в крови – эта газовая атака подействовала куда губительнее, чем на меня, так что, как говорится, поделом вору и мука.

Сил, чтобы подняться, у Еремеева пока не было, так что, все еще распростертый на полу, он произнес:

– И долго я так пролежал?

– Да уж третьи сутки отдыхать изволите, – съязвил Небрат.

– А как мы выбрались оттуда, из подвала?

– Вот этого не скажу, – смутился наконец и детектив. – Очнулся на скамеечке, вы рядом, в полной, простите, бессознательности. Пришлось за собственный счет отвезти вас на такси к себе, а то боялся концы отдадите, больно уж были плохи. Надеюсь, вы не в обиде, что уложил вас на полу? Бока небось болят? Но право же, своим давешним поведением вы это вполне заслужили. Кроме того, ложе тут у меня всего одно и, пардон, делить его с вами я вовсе не намеревался... Ума не приложу, – добавил он, – каким образом девчонка в одиночку выволокла нас двоих из подвала... Впрочем, когда сталкиваешься с существом такого интеллекта, все вопросы становятся бессмысленными.

Это что же, он, получается, больше двух суток здесь пролежал? Никаким остаточным воздействием коньяка нельзя было объяснить, что его подкосило настолько сильнее, чем сыщика. Слабо начал припоминать: кажется, ему делали укол в руку перед полным провалом в небытие. Кто, Нина? Почему тогда Небрату ничего не вколола?..

С большим трудом ему удалось подняться. Правда, он тут же обрушился в кресло и голову снова прострелило болью, но зато теперь он чувствовал себя не так униженно, как только что, распростертый перед сыщиком на полу.

– Значит, розыском Нины Кшистовой тоже занимается ваше агентство? – спросил он.

– А вы думали, только на вашем деле свет сошелся клином? – сердито отозвался Небрат. – Представьте себе, есть у нас и другие дела!.. И как мы были уже близки к завершению этого дела! Если бы вы все в последний момент не испортили!

– Хватит меня отчитывать! – осерчал наконец и Еремеев. – Вы решили использовать меня в темную – так это, по-моему, у вас называется – вот теперь и пожинаете плоды! Между прочим, я в тот день не искал вашего общества, вы сами насильно увязались за мной.

– Что поделаешь, – пробурчал Небрат, – если Нина Кшистова почему-то вышла на связь не со мной, а именно с вами.

– Однако, – теперь уже наседавал на сыщика Еремеев, – я в вашу контору не нанимался и у вас в подчинении не состою.

– Но... все-таки я рассчитывал на некоторое сотрудничество с вашей стороны... – оправдывающимся тоном произнес детектив. – Согласитесь – поскольку нас все же связывает общее дело...

Еремеев перебил его:

– И вы это называете сотрудничеством! Вы даже не потрудились меня предупредить, что таксист, – между прочим, весьма уголовного вида, – что он с вами заодно! Могло ли хотя бы это одно не вызвать подозрение к вам?... А коль уж вы заговорили насчет общего дела, которое связывает нас, по вашим словам – то как раз мое дело за это время ничуть не продвинулось! Нет, вместо него вы решили заниматься другим, используя меня как приманку!

– Вы не правы, клянусь вам, не правы! – вмешался Небрат. – О, если бы вы знали, насколько все это связано в том числе и с вашим делом! Не забывайте, что Нина Кшистова

тоже загадочным образом исчезла, так же, как, между прочим, и ваша супруга. Неужели вы сами не чувствуете, что все это кончики одного клубка? Что же касается таксиста... Да, он наш сотрудник, причем один из лучших – между прочим, бывший капитан МУРа, превосходный оперативник. Видимо, я вправду должен был вас предупредить, но вы вспомните ваше тогдашнее состояние! Вспомните, как вы артачились – даже меня не желали брать с собой. И не было времени вам объяснять, в какое поистине звериное логово мы отправляемся.

– Звериное логово? – удивился Еремеев. – О чем вы? Божий одуванчик старик-антиквар и девчушка пятнадцати-шестнадцати лет!

– Ну, что это за девчушка, вы, надеюсь, уже получили возможность понять, – сказал Небрат. – А насчет, как вы изволили выразиться, божьего одуванчика... Да будет вам известно, что таксист, он же капитан милиции в отставке Владимир Варенцов, мастер по самбо, между прочим, и обладатель черного пояса по каратэ, так и не довез его до больницы. Вот так-то, господин защитник одуванчиков!

– И что же случилось? – не понял Еремеев.

– А то, что по дороге пропал Варенцов. Наше агентство уже наводило справки – ни в одну больницу они со стариком не заезжали. Ладно бы один старик пропал – но Варенцов!.. Да его умыкнуть – взвода спецназа не хватит! Однако оба словно растворились в воздухе. И вы при сем изволите говорить – божий одуванчик!

На какое-то время Еремеев примолк, потрясенный. Потом спросил:

– А в лавку к старику не навевывались?

– Уж без вас бы никак не догадались! – отозвался Небрат. – Еще позавчера!.. Только нет уже там никакой антикварной лавки. Дверь нараспашку, все барахло антикварное исчезло, и в подвале пусто. Как вам нравится такая оперативность?

Еремеева только и хватило проговорить озадаченно:

– Да-а...

– Ладно, – махнул рукой сыщик, – мне вас еще на ноги поднимать надо. Отравление газом, поверьте, не шутка. Вам нужно жидкости пить побольше, чтобы вся эта гадость из организма поскорей ушла. Я сейчас... – С этими словами удалился из комнаты, и было слышно, как он за дверью открывает погреб.

Лишь теперь Еремеев как следует пригляделся к обиталищу Небрата. Обстановка комнаты была самая что ни есть спартанская: кроме шаткого кресла, в котором он, Еремеев, сидел, и заправленной раскладушки – видимо, того единственного ложа, о коем сыщик упоминал – да развалюхи-шкафа, никакой другой мебели не было. Убогость жилища усугубляли серые стены, некрашенные дощатые полы, задернутые холщовые занавески и голая лампочка под потолком. Не за что было уцепиться взглядом, чтобы сделать вывод о каких-нибудь пристрастиях или привычках сыщика, кроме разве что его привычки к аскетической донельзя жизни.

Еремеев с трудом встал, раздернул занавески, чтобы определить, в каком районе столицы он находится... и не увидел за окном Москвы. Поляна, пруд и лесок за ним – вот и все, что он смог узреть. Господи, куда завез его этот Небрат? Еще более, чем тогда, в подвальной зале на Щитораспределительной улице, во время разговора с вундеркиндом Борей, он почувствовал себя исчезнувшим из реальной жизни.

Детектив вернулся через минуту с литровой банкой холодного кваса в руках.

– Постарайтесь выпить все целиком, – сказал он, – должно полегчать.

Еремеев последовал его совету. После того, как осушил банку, – при этом сыщик приговаривал: «Вот так, молодцом! До дна, до дна! Увидите, как сейчас полегчает», – головная боль в самом деле начала понемногу отступать. Правда, голова теперь стала слегка покруживаться, и это кружение мешало ему ухватить то, что давно уже процарапывалось у него в сознании смутным беспокойством.

– Вы здесь живете? – спросил он.

– Да, с некоторых пор, – ответил Небрат. – Пришлось, знаете ли, не так давно уйти из семьи, бывают такие ситуации. Вот сюда и переселился. Моя, так сказать, фазенда. Место называется Неваляево, совсем, кстати, недалеко от Москвы.

– Неваляево?.. – проговорил Еремеев. – Что-то никогда не слышал про такую станцию.

– А станции такой и нет, – сказал детектив. – Железнодорожная ветка отсюда километрах в пяти, а ежели знать дорогу вон через тот лесок, то и вовсе получится километра три, никак не больше. Я уж к этому неудобству привык, даже приятно утречком пройтись до электрички. Зато воздух, согласитесь, воздух какой!

– Да... – из вежливости согласился Еремеев, хотя как раз воздуха-то он и не ощущал. В комнате пахло пылью и затхлостью, а окно было наглухо закрыто да и вообще, кажется, не открывалось, поскольку не имело ни створок, ни форточки. Пейзаж с прудиком и лесом также не особенно радовал его: в Москве он чувствовал бы большую уверенность в себе и защищенность, чем в этом неведомом, оторванном от мира Неваляеве.

Однако все-таки что так неотвязно беспокоило его?..

– Ну как, лучше вам? – заботливо поинтересовался Небрат.

– Пожалуй, – кивнул Еремеев. И спросил: – Так по-вашему, исчезновение Нины Кшистовой и моей жены каким-то образом связаны?

– Во всяком случае, – ответил сыщик, – моя версия именно такова. И согласитесь, она отнюдь не беспочвенна. Во-первых, одинаковая загадочность обоих исчезновений, во-вторых, то обстоятельство, что из всей десятиmillionной Москвы Нина Кшистова отчего-то не с кем иным, как именно с вами, вышла на связь. Такие вещи – вы, надеюсь, не станете возражать – никак нельзя отнести к числу случайных совпадений.

– Но Нина, насколько я понял, – проговорил Еремеев, – исчезла в некотором смысле добровольно. Неужели вы хотите сказать, что и моя жена?..

Лицо сыщика мигом нахмурилось.

– Стоп! – сказал он. – Стало быть, Нина Кшистова все-таки успела поведать вам кое о чем существенном. Давайте-ка извольте – все по порядку, не опуская ни одной детали. Что именно успела она вам сообщить о своем исчезновении?

Еремеев замаялся. Почему-то не хотелось передавать этому все-таки весьма подозрительному Небрату то, что осталось в памяти из той беседы с умненькой и прелестной девушкой.

– Да в сущности... – промямлил он, – в сущности-то и не помню ничего... Нет, практически ничего, право же...

Небрат, сердито сверля его взглядом, сказал:

– А вот по-моему, дело обстоит как раз ровно наоборот. Вы отлично все помните, но отчего-то снова не желаете со мной сотрудничать. Извольте немедленно сообщить все, что вы знаете, не то...

Еремеев со школьных лет не любил, когда на него так беспардонно насаждают. Он спросил:

– Не то – чт??

– Не то, боюсь, мне придется по-иному с вами разговаривать.

Точь-в-точь так, помнится, разговаривал когда-то с ним, с Еремеевым, завуч.

– По-другому – это как? – спросил он. – Родителей вызовете или из школы исключите?

Неожиданно при этих его словах в глазах сыщика промелькнул некоторый испуг.

– Из школы?.. – пробормотал он. – При чем тут школа?.. Не понимаю, почему вы...

Вдруг Еремеев перестал слышать его бормотание. Лишь сейчас он понял, чт? при виде этого сыщика все время в подсознании постоянно беспокоило его.

Ну конечно! Все это не детектив, и фамилия у него вовсе не эта нелепая – Небрат! Это же исчезнувший в туалете Сокольнического парка школьный учитель Сидорихин Владимир Ильич, чье лицо промелькнуло тогда, перед самым выстрелом, на сайте «Исчезновения». Только прическа другая и усы сбрил, а в остальном – безусловно, тот самый Сидорихин! И

стало быть он, Еремеев, угодил в круговерть каких-то странных донельзя событий, где одни исчезнувшие почему-то охотились на других. Быть может, и это Неваляево, наподобие града Китежа, тоже давно исчезло с лица земли и лишь на короткое время вынырнуло наружу, чтобы захватить и его, Еремеева, в свое небытие? И тот укол, после которого он провалился двое с лишним суток, действительно был, не примерещился, и сделал его именно этот субъект, сейчас он в том уже совершенно не сомневался.

Стало жутковато. И все же, приложив к тому немалые усилия, он постарался не подать виду, что вспомнил про укол, а тем более что узнал в Небрате учителя Сидорихина.

– Так чт? вы там говорили про школу?.. – все еще в растерянности снова спросил тот.

– Нет, я просто... – тусклым голосом произнес Еремеев. – Просто снова неважно что-то вдруг себя почувствовал...

Небрат-Сидорихин, похоже, не уловил никакого подвоха, к нему вернулась прежняя уверенность.

– Ничего, сейчас еще принесу кваску – авось опять полегчает, – сказал он. – Однако, поскольку все же вы явно не желаете сотрудничать, я – поверьте, для вашего же блага! – прежде должен вас, уж не сердитесь, хорошенько обыскать.

– Уму непостижимо, что вы себе позволяете! – все-таки взорвался Еремеев.

– Право, на то есть причины, – невозмутимо отозвался сыщик, или кем он там был в действительности. – Когда вы почивали, я обнаружил в вашем кармане записку девицы Кшистовой. Однако я ограничился тем, что осмотрел лишь боковые карманы ваших брюк, поскольку вы лежали на спине и мне не хотелось нарушать ваш сон. Но у вас в брюках имеются еще и задние карманы.

– Никогда в них ничего не держу, – проговорил Еремеев. – Да и вообще не кажется ли вам, любезный, что это уж чересчур?

Не обращая внимания на его слова, детектив бесцеремонно полез к нему в задний карман.

– Так будет лучше, – бормотал он, – поверьте, так оно, ей-Богу, будет лучше...

Сопротивления Еремеев оказывать не стал – во-первых, на всякий случай надо было показать, что он вправду совсем плох и тем самым усыпить бдительность этого чертова Небрата, ибо он, Еремеев, уже начинал помышлять о побеге отсюда, а во-вторых, в заднем кармане брюк в самом деле, он не сомневался, ничего не было.

Когда, однако, сыщик извлек руку у него из кармана, в ней что-то явно было зажато.

– Что там? – удивился Еремеев. – Покажите! – Он попытался разжать руку Небрата, отчасти ему это даже удалось, и он смог увидеть край бумажки со строкой, написанной явно все тем же старательным Нининым почерком.

Небрат без особого труда выдернул руку и вновь сжал кулак с запиской.

– Нет-нет, уж позвольте, позвольте, – сказал он. – Боюсь, это вообще адресовано вовсе и не вам... А вы, помнится, только что квасу хотели – так это я сейчас, мигом...

«Шут с ней, с запиской, – подумал Еремеев. – А вот насчет того, что мигом – это ты ошибаешься, любезнейший. Только сунься в свой погреб!»

Сыщик вышел из комнаты. Делая вид, что слаб в ногах, Еремеев поплелся за ним.

В прихожей он увидел обитую железом крышку люка, ведущего в подпол. На крышке имелись петли для замка. И еще он увидел стоящий в прихожей табурет с тонкими железными ножками. Тут же ему стало ясно, как дальше действовать.

Между тем Небрат откинул крышку и стал по лесенке спускаться в погреб. Еремеев внутренне напрягся, выжидая удобный момент.

Вот он, этот миг! Сыщик исчез в дыре с головой, и только рука его – по счастью, та самая, в которой как раз и была зажата записка – еще оставалась на поверхности.

Еремеев сколь мог быстро подскочил и обрушил крышку всей тяжестью на эту руку.

Небрат вскрикнул, рука разжалась, и скомканная записка выкатилась на пол.

Не дав ему прийти в себя, Еремеев чуть приподнял крышку, ногой спихнул руку сыщика, затем снова захлопнул люк и быстро сунул в замочные петли железную ножку табурета.

Детектив забарабанил по крышке изнутри:

– Что вы делаете?!.. Прекратите эти глупые шутки!.. А ну открывайте немедленно! – Он барабанил с такой силой, что табурет ходил по полу ходуном, но ножка была достаточно крепкая и никакой возможности выбраться у сыщика не было.

– А вот теперь давайте, если угодно, поговорим по душам, господин Небрат, – злорадно сказал Еремеев. – Или, может быть, вы предпочитаете, чтобы я вас наконец называл вашим подлинным именем, а, многоуважаемый господин Сидорихин Владимир Ильич?

Тот перестал барабанить и произнес:

– Черт, узнал все-таки!.. Ладно, вижу, предстоит серьезно поговорить.

– Что ж, – согласился Еремеев, – я готов. Сами будете говорить или вам удобнее отвечать на вопросы? Для затравки давайте-ка расскажите, как и зачем вы исчезли, а там уж перейдем к вещам, более меня интересующим.

– Поговорим, поговорим, – пробурчал Небрат. – Только, пожалуйста, без этих шуточек. Ну-ка, открывайте немедленно! Тут, между прочим, холодно, а у меня, да будет вам известно, ревматизм.

– Тем больше должно быть ваше желание поведать мне обо всем как можно быстрее, – сказал Еремеев. – А мне вполне удобно слушать вас и отсюда.

– Извольте открыть! – Сыщик снова стал колотить по крышке. – Хватит играть, мы с вами в конце концов не дети! То, что вы делаете, попросту смешно!

Еремеев отозвался спокойно:

– Не бережете вы, я вижу, свой ревматизм, Владимир Ильич – много времени тратите на пустую болтовню. А ведь чем скорее расскажете все, что меня интересует, тем скорее окажетесь в тепле... Однако вам, очевидно, надо собраться с мыслями. Что ж, я человек терпеливый, могу и подождать. Вы только скажите, сколько ждать-то. Если долго, то я, пожалуй, домой съезжу, побреюсь, ванну приму, а к завтрашнему дню подъеду – при вашем ревматизме, устраивает вас такая перспектива?

– Не говорите ерунды, – угрюмо сказал из подпола горе-сыщик. – Никуда вы не уедете. Без меня вам все равно не выбраться отсюда, ключ-то от входной двери у меня.

Дверь вправду была железная, сейфовая, такую плечом не вышибешь, но неужели бывший школьный учитель впрямь полагал, что благовоспитанность помешает его пленнику воспользоваться для выхода окном? Еремеев вполне твердо пригрозил:

– Если за ближайшие пять минут не созреете для откровенного разговора, сделаю так, как я сказал. – С этими словами он подобрал скомканную записку и перешел из темной прихожей в комнату.

Первая часть Нининой записки предназначалась и в самом деле не ему. В верхней части листка был довольно мастерски нарисован большой кукиш, а написанный под ним текст гласил:

Г-н Небрат.

Зная, что Вы не побрезгуете рыться в чужих карманах, оставляю это послание там, где Вы его, не сомневаюсь, найдете – в кармане у Дмитрия Вадимовича.

Имейте в виду, что своей настырностью Вы меня изрядно рассердили. Посему предупреждаю: если ваша гоп-компания не прекратит охотиться за мной, то всем вам скоро придется туго. А поймать меня вам все равно не удастся по причине острого дефицита серого вещества.

Настоятельно рекомендую внять моим словам, которые, как Вы, должно быть, знаете, я на ветер не бросаю.

Н. К.

Впрочем, ниже была приписка:

Уважаемый Дмитрий Вадимович!

Если сия эпистола все же каким-либо образом попадет к Вам в руки, то, во-первых, великодушно простите меня за фокус с газом – поверьте, это было вызвано необходимостью, а во-вторых, вспомните двенадцатую главу одной из тех двух книг, на которые Вы обратили внимание в моей библиотеке – это поможет Вам сообразить, как следует действовать дальше.

На какие же две книги он обратил тогда внимание? Ах, да, конечно! В первую очередь, разумеется, на свои собственные!

Что там было? Сборник рассказов «Баловни судьбы» и роман «Трубы Иерихона». «Баловней» надо отбросить, никаких глав там нет, а вот в «Трубах»...

Да, да, именно в двенадцатой главе главный герой романа Веня Ухтырский прочитывает текст, прогладив письмо утюгом.

Срочно нужен утюг! Где-то здесь он, без сомнения, должен быть, ибо недавно им пользовались – в комнате до сих пор пахло гладкой, а на брюках у Небрата были свежие стрелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.